
СОФИЯ РУД
ЭРИАС
ТЁМНЫЙ БОГ АКАДЕМИИ

Эриас

София Руд

Темный бог академии (Эриас)

«Автор»
2026

Руд С.

Темный бог академии (Эриас) / С. Руд — «Автор», 2026 — (Эриас)

— Пугало! Пустая, уходи отсюда! — так меня встретила академия заклинателей, когда я поступила и перепутала лучшего адепта с.. демоном.Дэмиан Сэйхар — настолько же опасен, насколько прекрасен. Он наследник древнего рода и готов на все, чтобы сохранить свою страшную тайну. Даже избавиться от меня, но... У него власть — у меня смекалка. У него сила — у меня хитрость. И я сделаю все, чтобы выжить и переиграть врага! Главное — не стать его одержимостью.Сообразительная героиня, которая умеет падать и вставатьОпасный, неоднозначный геройДемоны, заклинатели, боги, тайны прошлогоИнтеллектуальные дуэли Enemies-to-lovers Slow burn

© Руд С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Глава 1. Наследник Святых 6
Глава 2. Камертон 12
Глава 3. Недооцененная угроза. 17
Глава 4. Провокация 23
Глава 5. Помиловать нельзя казнить 28
Глава 7. Затишье перед бурей 41
Глава 8. Ректорский суд 44
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Темный бог академии (Эриас)

Глава

Глава 1. Наследник Святых

— Откройте! — рычу со злостью и колочу по двери кабинета, в котором меня заперли добродушные "подруги".

А в ответ лишь насмешки.

— Не путайся под ногами, Пугало! — раздаются злорадные голоса адепток из-за двери. — Пустым здесь не место!

— Раз я пустая, то и бояться меня не стоит, так ведь? Откройте эту проклятую дверь! — резонно отвечаю им.

Но толку-то? Они не откроют. Они сделают все, чтобы не дать мне сдать последний вступительный экзамен.

А я обязана его сдать, даже если костьми лягу, иначе мама, папа, сестра… Нас всех ждет конец.

О нет-нет-нет!

Гоню из головы плохие мысли и оглядываю кабинет, больше похожий на склад темной, старой мебели. Пыль даже в воздухе летает и светится под лучами сентябрьского солнца. А дверь здесь только одна. Та самая, что заперта снаружи.

Демоны! Неужели придется подождать, пока девицы уйдут, и звать на помощь прохожих?

Прикладываю ухо к двери и понимаю, что и этот план обречен. В коридоре раздается такой визг, что почти оглушает. Но кое-что я слышу четко.

— Дэмиан! Дэмиан Сэйхар приехал! Скорее! — кричат девчонки.

И вот это поистине плохо.

Плох не сам Дэмиан. С ним, по крайней мере, я не знакома. Но наслышана донельзя о том, кого местные сами прозвали самим богом академии.

Еще бы — целых шесть колец силы! Лучший адепт выпускного курса, на минуточку. Не говоря уже о том, что наследник рода Святых.

Тех самых Святых, что помогли павшей богине, запечатать демонов за Стеной двести лет назад. А их наследников в Эриасе почитают почти так же, как и королевскую чету.

Потому наивно полагать, что хоть кто-то остался в коридоре, чтобы открыть мне злосчастную дверь. Да, коридор пуст, за дверью ни звука. Все побежали смотреть. Издалека, конечно. Ведь к Святым нельзя просто так приближаться.

Но мне не об этом стоит переживать. До конца последнего экзамена осталось от силы пятнадцать минут. Демоны! Мне конец.

Нет. Не смей сдаваться, Яра. Думай, как выбраться!

Кидаюсь к витражным окнам и осматриваюсь. Зеленые газоны, аккуратно подстриженные кусты, лабиринт на границе с лесом и небольшие беседки прямо под окнами меня не особо интересуют. А вот дуб с раскидистыми ветками… Он вполне подходит. И стоит не так уж далеко от окна.

Однако шанс не допрыгнуть и заработать пару шишек все же велик. Но кто я такая, чтобы отказаться от шанса, когда на кону жизнь всей семьи?

Надежно прячу в карман платья камертон — магический артефакт, без которого в академии не обойтись. Отворяю створку окна и ступаю на подоконник. В старых туфлях со скользкой подошвой неудобно, но я все же спрыгиваю с узкого отрезка камня на размашистую ветку и… соскальзываю!

С оглушительными воплями ухаю вниз, цепляясь всеми частями тела за ветки, и падаю спиной на землю. На секунду кажется, все — набегалась, Яра. Ребра болят до темноты в глазах, но вдохнуть все же получается. И пахнет здесь свежескошенной травой.

Значит, не оставила меня богиня — я приземлилась на газон, а не на каменную дорожку.

— М-да. Теперь не только проползают, но и с неба падают, — раздается вдруг мужской голос над головой.

Открываю глаза и сквозь слезы смотрю на темный силуэт, нависший надо мной. Лица не видно, ослепляет солнце, лучи которого подсвечивают контур головы незнакомца.

— На этот раз экзотика, — усмехается он.

Повезло же на спасителя. Нормальные люди обычно помогают упавшим подняться, а этот явно издевается. Притом над моей внешностью.

Точнее, над волосами. Они у меня полностью седые в восемнадцать лет. А глаза после болезни стали янтарно-желтыми. Вот тебе и экзотика. Хотя чаще меня называют Пугалом.

Вот только мало кто знает, что эти самые странные волосы и жуткий цвет радужек — знак величайшего чуда. Чуда, что я смогла, выжила. А не проклятие.

Хотя проклятие тоже в каком-то смысле есть. Только не магическое, а куда более банальное. Долговая яма, в которую угодили родные, пытаясь спасти мою жизнь любым способом.

— Дохлый номер. Шла бы ты отсюда, — тем временем продолжает болтун.

И как бы не хотелось послать его куда подальше, вся концентрация направлена на попытку подняться на локтях и осмотреться. Но мешает странное чувство — кожу словно невидимыми ледяными иглами покалывает. И тянет куда-то не пойми куда. Видимо, эффект “мягкого” приземления.

Зрение, наконец, обретает четкость, замечаю поблескивающий серебром предмет, который лежит у носков начищенных до блеска сапог незнакомца. Старенький камертон.

Наспех ощупываю платье и убеждаюсь — мой. Резким выпадом хватаю вещицу, на которую ушли последние сбережения семьи. Тело еще сильней простреливают иглы, но главное не это — камертон в ту же секунду нагревается в руке.

“Неужели…?!” — проскальзывает спасительная мысль в голове, а следом за ней надежда, что я все-таки сдам последний вступительный экзамен.

Вскакиваю на ноги, направляю артефакт в болтуна, впервые окинув его взглядом, как следует: русый, высокий, с крупным носом, поджарый и лощеный, как и все выходцы из благородных семей. И с таким же презрительным взглядом. Однако абсолютно точно камертон среагировал не на него.

Взгляд сам скользит за спину адепта, а там в беседке еще один.

Он сидит в королевской позе на шикарной скамье и спокойно читает книгу, словно не слышит нашу возню. Значит, не ошиблась. Именно он скрывает то, что нужно!

— Ты что творишь? — подпрыгивает от возмущения болтун, когда я резко делаю шаг, и пытается загородить собой проход.

— Погоди ты, я нашла! — отмахиваюсь от него.

— Кого ты нашла? — адепт не унимается.

— Демона!

Бордовая книга покачивается в изящных пальцах второго незнакомца и опускается, открывая взгляду настолько красивое мужское лицо, что на секунду теряю дар речи. Обычно такие образы рисуют Святым, а тут – живой. Ну, или почти живой.

Этот адепт больше напоминает статую с белоснежной кожей, чем человека. Волосы темные, каштановые, кудрявые, но ему это даже идет. А глаза — насыщенного зеленого цвета, словно светятся в обрамлении темных ресниц.

Но самое странное: пока смотришь в них, время словно замедляется, а воздух превращается в вязкую смолу. Даже стук сердца неслышно.

В первую секунду. А затем все резко меняется.

Этот адепт смотрит на меня не то с усталостью, не то со скукой. Но стоит ему заметить мои седые волосы, взгляд резко меняется. Пронзает до самих костей, и внутри вспыхивает

необъяснимый первобытный страх. Почти такой же, какой испытываю во снах, где бегу по темному лесу.

Дыхание сбивается. Пульс зашкаливает. И мне начинает кажется, что передо мной уже не адепт, у которого нужно забрать артефакт с демонической силой, а сам настоящий демон в человеческом обличии.

— Да что за наглость? — выкрикивает первый парень, чем и приводит хоть отчасти в чувства. — Чего только не придумают эти первогодки, чтобы отличится! Иди отсюда!

Совет хороший. Кожей чувствую. Но не могу уйти. И точно так же не могу оторвать взгляд от глаз пугающего незнакомца. А ведь должна уже прийти в себя и попросить отдать честно найденного мной “демона”, ради которого выпрыгнула из окна, на минуточку!

— Она… глухая?

Голос. Тихий, но слышимый настолько, будто даже птицы замолкли в этот момент. Голос того незнакомца… И он пробирается прямо под кожу, заставляя все внутри гореть и сжиматься.

Нет. Приди в себя, Яра. Экзамен!

— Простите! — наконец-то смаргиваю, и словно рвется какая-то связь. Прочищаю горло, чтобы звучать серьезней. — Мне нужен “демон”.

Указываю камертоном в старшекурсника с книгой.

— Демон? — переспрашивает он.

Его темная бровь поднимается, а следом и он сам.

Высоченный. Очень.

Он делает всего один шаг в мою сторону, а тело само рвется прочь, хотя прежде за мной трусости не водилось. Сестра и вовсе бы засмеяла. А мама бы напомнила правила поведения с элитой. Этот точно из элиты.

Нет, не о нем. Сестра, мама. Папа. Экзамен.

— Вступительный экзамен. Последний артефакт… — говорю уже строже, так как время на исходе, но незнакомец не дает даже закончить.

В мгновения ока он оказывается слишком близко. В нос бьет запах омелы, дыма и чего-то пока еще неизвестного мне, но точно магического. Иначе я никак не могу объяснить, что со мной происходит. Но даже под мороком замечаю, что именно задумал старшекурсник. Он собирается схватить мой камертон?

Отдергиваю руку, но он быстрее. Хватает мое запястье, блокируя камертон. И его пальцы настолько горячие, что тело прошибает от макушки до пят. Застываю, глядя в безжалостные, полные то ли претензии, то ли самой ненависти, глаза незнакомца. И в следующую секунду раздается треск.

Камертон раскалывается надвое прямо на глазах, падает на каменную брусчатку с леденящим душу звоном, и морок, или чтобы там было, как рукой снимает.

— Ты что натворил?! — выпаливаю в ужасе.

А надменный адепт и не думает отвечать. Он смотрит так, будто решает, как именно меня сейчас убить.

Что ж, мне тоже его хочется прибить. Ведь мне второй такой камертон уже не купить. Я ради этого месяц без сна и перерывов рыбу чистила!

— Что там? Кто кричал? Это же Дэмиан! А кто это рядом с ним? — кричат где-то девчонки. — Зачем эта белобрысая полезла к Сэйхару?”

К кому?!

Кидаю взгляд на огромного, нависающего надо мной красавца, и теперь все становится ясно…

Я вляпалась по самые уши. И убийственный взгляд бога академии явно это подтверждает. Не хватает лишь надменной ухмылки в духе: «ты попала, девочка». Но Дэмиан выглядит слишком раздраженным для этого.

Раздраженным из-за того, что кто-то посмел подойти? Но демон… И я ведь понятия не имела, кто он такой. Имя на лбу не написано!

Поздно. Кого это теперь волнует? Голосов за спиной становится все больше. Кажется, там целая толпа собралась, но обернуться не могу. Как заколдованная смотрю в зеленые, почти светящиеся глаза местного бога. А он — в мои.

Долго, пристально, хотя обычно люди не выдерживают и трех секунд — пугаются желтых радужек и отворачиваются. Но этот... Он словно что-то выискивает во мне. И прекращать пытку, как и отпускать мою руку явно не собирается.

— Что за столпотворение? — гомон толпы разрезает мужской грозный голос.

Дэмиан наконец-то отпускает меня. Да с таким видом, будто коснулся больной и заразной. Отступает на шаг и кидает не менее сердитый взгляд в сторону приближающихся господ в длинных мантиях, но не спешит принять подобающий адепту покорный вид. Наоборот, еще сильнее раздражен. Пожалуется на меня профессорам?

А они уже рядом. Первый — седовласый мужчина лет сорока пяти с бакенбардами и колючим взглядом — профессор Ривз, он же мой экзаменатор. Слева от него мужчина лет на двадцать моложе. И судя по черному кожаному костюму под мантией — он куратор боевого факультета.

— Кто кричал? Что произошло? — спрашивает профессор, глядя то на меня, то на Дэмиана, то на третьего адепта и разломанный надвое камертон, тоскливо лежащий поверх деревянного настила беседки.

Бог академии отвечать не спешит, переводит взгляд на меня, а у меня как назло в горле пересыхает от страха.

Зато болтун свой шанс не упускает.

— Эта претендентка проползла сюда и наставила камертон на Дэмиана! Назвала его демоном! — выпаливает он, явно желая выслужиться.

Вот только сам “хозяин” такой прыткости лакея, кажется, не рад — у него лицо на мгновенье каменеет.

— Что? — раздается хриплый сдавленный вопрос. Куратор.

А профессор и вовсе застывает на месте, глядя на меня как на полоумную. Толпа шумит, но пока еще тихо — шепчутся.

— Я искала последнего демона для сдачи экзамена, — сообщаю так быстро, будто от этого зависит моя жизнь.

Хотя… почему будто?

— Демона? Здесь? — негодует профессор.

— Первый был спрятан в колонне, второй я нашла у библиотекаря…

— И вы подумали, что третий у наследника рода Святых? — заканчивает за меня куратор и смотрит почти так же убийственно, как Дэмиан Сэйхар.

— Я строго следовала указаниям камертона и только, — хочу отстоять свою правду.

— Увы, это невозможно. Я не давал адепту Сэйхару артефакт с демонической силой,— выдает вердикт профессор. — Либо вас подвел камертон, либо же вы так и не научились им пользоваться.

— Или нашла повод приблизиться к наследнику Святых! — выкрикивает кто-то из толпы за спиной, превращая и без того досадную ситуацию в балаган. — Какая дерзость! Еще и демоном обозвала! Неслыханно!

Один суровый взгляд профессора, и возмущения стихают. Но это меня не спасет.

— Камертон безошибочно привел меня к первым двум артефактам. Значит, он был исправен и пользоваться я умела. Так с чего-то случиться ошибке на третьем? — спрашиваю я, прекрасно понимая, что спор сделает лишь хуже, но сейчас нельзя отступить.

— Раз вы так уверены, то по протоколу… Куратор Сэйхар, — обращается профессор, а я вздрагиваю, услышав фамилию.

Из разговоров поступающих я знаю, что в академии есть старший сын дома Сэйхаров. И он занимает положение в преподавательском составе. Но никогда бы не подумала, что именно этот куратор старший брат Дэмиана.

У наследника тонкие черты лица, в то время как Ранд, — если не ошибаюсь, так зовут старшего, — с квадратным подбородком и узким лбом. Симпатичный, кареглазый, высокий и в плечах немного шире Дэмиана, но все равно теряется на фоне младшего брата.

— Будьте любезны, проверьте, нет ли здесь демонической ауры. Может, кто из других претендентов, свой обронил, — тем временем просит профессор.

Ранд едва заметно напрягается, однако достает свой камертон. Но воспользоваться им не успевает.

Вперед лениво выходит Дэмиан.

— Не нужно.

Он говорит лишь одну фразу, и стихает не только шепот в толпе, но даже птицы замолкают. Опять.

— Ч-что значит не нужно? — переспрашивает профессор, явно озадаченный приказом своего же ученика.

Ах да, наследник Святых. Статус выше преподавательского. А я полагала, что манеры и уважение к старшим во всех классах одинаковы.

— Вот ваш “демон”, — сообщает Дэмиан, указывая на книгу, оставшуюся лежать в беседке.

— В прошлом году в камнях на ее корешке прятали демоническую силу. Не знаю, что за бракованный камертон купила эта претендентка, но “демона” она почти нашла. Точнее, остаточную энергию. Я тоже ее уловил, потому и взял книгу на изучение, — сообщает Дэмиан.

Он говорит обычно, почти бесцветно, но толпа вздыхает так восхищенно, будто Дэмиан только что на их глазах убил демона голыми руками.

— Выходит, вы… напомните, как вас зовут, — обращается ко мне профессор.

— Яра Шторм, — отзываюсь я.

— Удивительно, претендентка Шторм. Вы с одним лишь кольцом силы учуяли столь тонкий след? — удивляется профессор, поглядывая на мои оголенные запястья. — Поздравляю с зачислением, адептка!

С зачислением?! О павшая богиня, спасибо тебе за удачу!

Кажется, я впервые за три недели подготовки в академии вижу, как профессор улыбается мне, и уже готова подпрыгнуть до небес от счастья, но…

— Какое зачисление, профессор? — разрезает воздух надменный голос. — Она нашла не экзаменационный артефакт, а почти пустышку. Это нарушение, — отрезает Дэмиан, а затем уводит взгляд к башне с часами, которую видно из каждого закутка в академии.

— Исправить ошибку она вряд ли успеет. Время экзамена вышло, — добавляет он.

И мое сердце падает в пятки.

Демоны! Ну зачем?!

Все ведь получилось! Камертон обнаружил даже самую тонкую магию – остаточную. Дэмиан сам это признал, помог… “Помог, чтобы потопить”, — доходит до меня, когда на долю секунды в его взгляде проскальзывает нечто злое и предупреждающее.

— Что ж, — вздыхает профессор, которому явно нравились мои успехи, но правила зачисления никто не отменял.

Тем более раз сам Дэмиан Сэйхар решил за этим бдить.

— Стойте! Минута! До конца экзамена еще есть минута! — вспыхиваю как спичка, поднесенная к огню, хотя на самом деле я уже почти догоревшая спичка. — Я найду демона! — выпаливаю как можно скорее и в ту же секунду ощущаю, как за моей спиной вновь вспыхивает темная аура местного “бога”.

— Найдете? Как же? Ваш камертон сломан, — удивляется профессор.

И он полностью прав. Без камертона новичку, тем более почти пустому, никогда не найти демона.

Но у меня есть маленькая, смертельно опасная тайна.

Тайна, которую мама умоляла меня хранить всеми силами. Но что толку? Если провалю экзамен, ростовщики точно не будут ждать моей большой стипендии. Отберут дом и не только.

— Демон у вас в левом нагрудном кармане, профессор! — заявляю я, поставив на кон все, что есть.

Глава 2. Камертон

Колокольный звон эхом расходится по огромному саду.

Секунда, вторая, третья. Профессор медленно поднимает руку к нагрудному карману и достает заветный алый камень, в котором полыхает черное пламя.

Облегчение волной прокатывается по телу, а затем настигает страх. Я слишком близко подошла к краю. Теперь последуют неудобные вопросы.

— Занимательно, не правда ли? — подмечает Ривз, глядя на куратора.

— И не говорите, профессор, — соглашается тот и подозрительно косится в мою сторону. — Ваше имя Яра Шторм?

Ну вот и началось.

Напрягаюсь до кончиков пальцев в ожидании допроса, но, хвала богине, профессор решает вмешаться.

— Оставим разговоры на потом. Экзамен технически пройден. А значит, вы можете забирать свои вещи из комнат для отбора и перебираться в общежитие для адептов. Завтра ваше имя будет в списках поступивших, — объявляет Ривз.

Я чудом сдерживаюсь, чтобы не завизжать от счастья. А зловещая аура Дэмиана Сэйхара крепчает настолько, что я буквально ощущаю ее невидимые щупальца, готовые впиться мне в плечи.

Но сейчас на это плевать.

— Спасибо! Спасибо, профессор! — выпаливаю я.

И, пока он не передумал, а два грозных брата не испепелили меня взглядами, спешу сбежать из этого места. Но, едва развернувшись, натыкаюсь на недовольную толпу.

— Чего вы стоите? Никто не опаздывает на занятия? — раздается спасительный голос.

На удивление он принадлежит не Ривзу, а куратору Сэйхару.

Вновь благодарю, правда, немного невнятно. Подхватываю с земли части камертона и спешу к зданию, отдельно стоящему на краю двора академии. Там живут новоприбывшие до официального зачисления.

По правилам все претенденты должны пройти подготовку и сдать два вступительных экзамена — теорию и практику. Но из пяти комнат были заняты лишь две. Остальные либо сдали все экзамены с порога, либо у них был достаточный уровень колец, позволяющий обойти часть экзаменов.

Имелся еще один вариант: статус и власть. Но в наших комнатах жили, по сути, лишь самородки. То есть те, кто не происходит из родов заклинателей, но по какой-то причине в теле к восемнадцати годам проснулась магия. Зачастую слабая. Одно или полтора кольца максимум.

Раньше с таким уровнем можно было попасть только на артефакторный завод. Для большинства жителей Центральной Равнины, да и других регионов и стран, это весьма светлое будущее, но оно несравнимо с тем, чтобы стать заклинателем.

Стать тем, кто оберегает мир от демонов. Стать героем! А в старости, если доживешь, выбрать себе любое занятие по душе.

Вот что дает эта академия. Статус, безбедность, почести и шанс на лучшую жизнь тебе и твоему роду.

Это то, о чем такие, как я, даже мечтать не могли еще каких-то двадцать лет назад.

Но магии в всем мире становилось все меньше. И вот уже три года, как в академии стали брать даже слабых.

Как же хочется сказать маме и папе, что я справилась. Что больше не нужно переживать из-за долгов. Я отдам все до медяка! Сначала со стипендии, которая в два раза превышает

самую высокую зарплату в моем родном городе. А когда выпущусь, у нас начнется новая жизнь. Айе, моей младшей сестре не придется больше начищать рыбу с утра до ночи.

Она сможет учиться! Сможет стать, кем захочет.

Нетерпится написать об этом, но до дня почты еще рано. А вот беда приходит без расписания.

— Все-таки справилась, Пугало. Уму непостижимо! — В дверях появляется рыжая девица, стараниями которой я оказалась заперта в пустом кабинете.

Рузанна. И она уже успела нацепить на себя бордовую форму адептки.

— Мне кажется, что ей больше подходит Бледная Моль, — дополняет блондинка, заваливаясь следом за подругой, и явно старается выслужиться, задев меня побольнее.

Вот только зря. Пусть с блондинкой мы знакомы лишь три недели, но Рузанна на собственном опыте знает, что обзывательства на меня не действуют.

С ней мы столкнулись в Параме, когда я разносила рыбу по знатным домам. Рузанна не оценила, что один из гостей на ее чаепитии, решил помочь мне с ящиками, и закатила скандал.

С тех пор родители не отправляли меня в дом наместника. Но Рузанна сама заявилась к нам на порог с обвинениями, что я испортила ее отношения с женихом.

К счастью, у старших дома Родивов мозги все же имелись. Дочь они угомонили, но от поставок нашей рыбы отказались насовсем.

Мы потеряли деньги. А я еще и покой, ведь у Рузанны оказалось полтора кольца, одинаковый возраст со мной и… общая спальня для поступающих. Впрочем, теперь это в прошлом. Меня ждет общежитие для адептов.

— Отойдите с дороги, — спокойно прошу девчонок.

А они, как назло, подходят вплотную.

— Как ты умудрилась сдать, а? Из окна, что ли, вылезла? — пристает Рузанна.

— Именно так. И если бы не вы, то точно не успела бы найти последнего демона. Так что спасибо за помощь, девчонки! — отзываюсь я и растягиваю губы в улыбке, которая в сочетании с моей внешностью выглядит жутко.

И, пока девушки ловят шок, проскальзываю мимо них в коридор, а потом уже во двор академии.

Втягиваю прохладный осенний воздух, и прижав мешок с пожитками к груди, спешу в библиотеку.

Полноватая дама, которой и в первый раз пришлось не по вкусу мое появление, неохотно дает несколько книг. Остальные, по ее словам, доставят в комнату перед началом комендантского часа.

— Спасибо, — киваю женщине, несмотря на ее недовольство, и иду к одному из четырех высоких зданий со шпилями.

Общежитие хоть и выглядит пугающим и мрачным снаружи, но внутри вовсе не похоже на место, где злодеи приносят жертвы в дар демонам. Холл светлый, просторный, с двумя огромными лестницами, ведущими в разные стороны: женскую и мужскую половины. Под одним из мостиков, соединяющих лестницы, находится нужный мне кабинет завхоза.

Строгая дама с порога окидывает меня взглядом и даже вздрагивает, заметив волосы и глаза. Но пошарпанная обувь и старое платье быстро приводят ее в чувства.

— Фамилия, — требует завхоз, сморщив нос, словно от меня дурно пахнет.

Зря. Бедняки, может, и не ходят в шелках, но толк в гигиене знают.

— Шторм. Яра Шторм. Первый год.

Дама черкает что-то в журнале, затем достает со стеллажа две формы — бордовую и черную из кожи, — и постельное белье.

— Не терять. Не портить. Комплекты на целый год. Стираешь либо сама, либо 5 медяков, — сообщает, строго поглядывая на меня, и идет к ключнице.

— Комната 396. Соседка еще не заявлялась, но одна точно жить не будешь, так что половину держи свободной.

На этом «приятная» беседа заканчивается, а благодарить мне уже не хочется. Просто киваю и, едва держа тонну предметов в руках, направляюсь к лестнице.

В порывах радости я пару раз сворачиваю не туда, отчаянно надеясь, что уже попала на нужный этаж, но нет. Нужный этаж я узнаю в первую секунду. Даже коридор выглядит совсем иначе, чем те, что я заметила ниже.

Ремонт старый, пол не в мраморе, а в дереве с облупившейся краской. Вместо шикарных хрустальных люстр — простые лампы. Хотя чего удивляться?

Сильные маги в основном из благородных семей, а слабые самородки на комфорт особо не рассчитывают. Но мне ли жаловаться, когда здесь повсюду есть свет в лампах вместо свечек, как было дома?

Добравшись до нужной комнаты, заваливаюсь внутрь, едва не падаю на пол поверх вылетевших из рук вещей. Ноги подкашиваются после насыщенного приключениями дня, но расслабляться явно рано.

Прищуриваюсь, смаргиваю, опять прищуриваюсь, пытаясь убедиться, что мужчина, стоящий у окна, мне не мерещится. Да и запах в комнате необычный. Омела? Дым. Это мне уже знакомо…

Не успеваю додумать, как высоченная фигура разворачивается, и сомнений в том, что незваный гость и есть тот самый Дэмиан Сэйхар, уже не остается.

На всякий случай отступаю на шаг и кидаю взгляд к табличке на двери — все верно, комната «396». Да и нет тут роскошных ламбрекенов на окнах и балдахинов над кроватью, или что там любят богачи? Тут вообще одно окно, две койки, два стола и шкаф.

Шкафов тоже два, если считать Дэмиана. Но он — сердитый живой шкаф, который медленно окидывает меня взглядом с ног до головы, словно снова приценяваясь.

И оценку я явно не прохожу — кривая ухмылка вырисовывается на его губах. А затем он смотрит прямо мне в глаза тем самым взглядом, от которого толпами бегут рубашки. Жестко, холодно и опять с этой непонятной претензий.

— Не стой на пороге. Нам ни к чему свидетели, — сухо велит мне Дэмиан.

Но я в таком шоке, что могу лишь хлопать ресницами. А Дэм, видимо, уже привык к тому, что люди при нем робеют и теряются, потому одним пасом руки отодвигает меня в сторону, а вторым захлопывает дверь. Не касаясь! Магией!

Это ж какой должен быть резерв, чтобы так легко его тратить на бытовые мелочи?

— В беседке ты была смелей.

— У меня жизнь стояла на кону, — отвечаю честно, но вежливо.

Ибо как бы я сейчас ни злилась, становиться врагом наследника рода Святых, — непростительная глупость. А Сэйхар явно не с добрыми намерениями пришел. И он не особо это скрывает.

— Ошибаешься. Твоя жизнь сейчас на кону,— поправляет он да так буднично, словно о погоде говорит, а затем неохотно протягивает ладонь. — Давай.

— Что? — Непонимающе смотрю на него.

— Ну, точно не твою руку. Камертон. Дай его мне. — велит Дэмиан.

Элегантным, быстрым движением он накидывает белоснежный платок с едва заметной белой вышивкой на пальцы, а я окончательно перестаю соображать, какого демона здесь происходит.

— Зачем? — спрашиваю его.

Но Сэйхар явно не из тех, кто утруждает себя ответами. Он молча щелкает пальцами, и камертон, выскользнув из моего кармана, прячется в огромном кулаке Дэмиана под белым платком.

— Это моя вещь! — делаю бездумный выпад, хотя на кого я кидаюсь?

Чем я его побеждать собралась? Одним кольцом или воплями, демоны меня возьми?!

Но без камертона меня даже на занятия завтра не пустят.

— Я бы купил новый, но тебе он больше не понадобится, — заявляет Дэмиан и кладет **мой** артефакт в **свой** карман.

— В каком смысле “не понадобится?

— В прямом.

Ответ короткий. Очень информативный. И самое гадкое, что как бы я сейчас ни злилась, сделать ничего не могу. Он наследник рода Святых. Меня накажут даже за грубое слово. А уж если вцеплюсь в его кудрявые волосы…

А он все это время внимательно наблюдает за мной. За моей злостью, за жалким бессилием. Может быть, даже наслаждается этим. Но буквально секунда, и его лицо вновь обращается в ледяную маску. Лишь глаза горят злобной претензией.

— Лес. Красная луна. — выдает он какую-то чушь.

Я даже не сразу понимаю, не ослышалась ли.

А Дэмиан смотрит. Очень внимательно. И терпением не отличается.

— Я задал вопрос.

— Я слышала. Но понятия не имею, что отвечать. Это кодовое слово? Я не играю ни в какие игры. Верни..те камертон, господин наследник, — говорю я.

Но он и не думает реагировать на просьбу. Все еще что-то выискивает во мне. Притом так долго, что это начинает раздражать. Еще больше злит, когда в левом уголке его губ появляется подобие усмешки. А затем он молча ступает к выходу.

Вот так вот просто.

Пришел, забрал, ушел?

— Камертон! — выпаливаю, выскочив на его пути.

Сэйхар явно не привык к подобным выходкам. Возможно, даже считает дерзостью, а меня необразованной дурой. Но это неважно. Я должна вернуть свою вещь.

Это важно. Мне.

Но точно не ему, судя по виду.

— Одно кольцо, — выдыхает Дэмиан и проходится ленивым взглядом по убогой комнате и моему узлу на пороге. — Пустая, без рода и имени. Такие, как ты, приходят сюда не учиться, а выскочить замуж, и совершенно не знают, как работают сословия. В итоге уходят со слезами, и в лучшем случае на артефакторный завод. Я не особо люблю давать советы, но раз богиня свалила тебя мне на голову… Слушай. Внимательно. Собирай свои жалкие пожитки и уходи до того, как опозоришься, пустая. Иными словами — сейчас.

Не знаю, что бесит меня больше. Вся та мерзость, которая с легкостью вылетает с его губ, или сам его образ, полный надменности и чувства собственного превосходства над всем миром.

— Не нравится? — усмехается он, словно мысли мои читает.

Хотя это не удивительно: у меня все на лице наверняка написано. Но его моя злость не заботит.

— Считай это наставлением от наследника Святых. — великодушно добавляет он. — Ты ведь знаешь, как стоит относиться к таким “советам”?

Намекает на беспрекословное повиновение. Прекрасно.

— А как стоит вести себя, чтобы быть достойным потомком Святых, вы, видимо, не в курсе, господин наследник? — выпаливаю с шипящей яростью и тут же осекаюсь, поняв, что нагрубила.

А это может быть истолковано как неуважение к наследнику. Но что тут, прости меня богиня, уважать?! Он бесит. А накажут меня. Такой, как он точно не откажет себе в этом удовольствии, так ведь?

— Дерзишь мне?

Дэмиан делает шаг, всего один, но кажется, что расстояние между нами сокращается до сантиметров. И надо бы смолчать, но…

— Если попытка защититься от нападок — для вас дерзость, то да, — отвечаю я.

Воздух вокруг накаляется, а изумрудные глаза безустанно и нагло выискивают что-то во мне.

— На дух не переношу наглых девиц. Еще больше не люблю тупиц, не знающих своего места, — говорит он, а я буквально себя умоляю: “Спокойствие, Яра. Только не усугубляй…”
— Ты попала в оба списка.

— Как почетно попасть в список придурка!

— Что?

Думай, прежде чем говорить, Яра!

— Я сказала, что почетно быть в вашем списке, премудрый! Места не нахожу от радости. Вы всегда так добры к незнакомцам? — с трудом выдавливаю улыбку, но она наверняка получается ядовитой.

Однако Дэмиана это не пугает.

— Я еще лапочка, поверь на слово и не рискуй проверять. Дня же тебе хватит?

— На что? — переспрашиваю и читаю ответ в его зеленых, мерцающих в полумраке глазах. — Чтобы уйти из академии?

От одной мысли об этом спина покрывается холодным потом.

— Ты все-таки соображаешь, — заключает местный бог и даже становится добрее. — Это радует. Отправлю тебе кого-нибудь помочь с вещами.

— Нет.

— Что нет? Сама донесешь?

— Я не стану уходить! — говорю твердо, и теперь Сэйхару не весело.

Он делает еще один шаг в мою сторону. Сердце срывается вниз и бешено колотится в пятках. А его взгляд режет острее ножа.

Надо отступить, принять приказ? Хотелось бы. Наверное. Но не имею права. Потому заставляю себя стоять на месте. И смотреть. Смотреть в его глаза странного изумрудного цвета.

Дэмиан наклоняется ближе.

— Лучше тебе быть живой вне академии, чем мертвой здесь. Пересмотри приоритеты, — велит он, обжигая ухо горячим дыханием, а затем вдруг напрягается так, что пиджак трещит на его широких плечах.

Темная удушающая аура резко пропитывает воздух, и Дэмиан отшатывается от меня, как от прокаженной. Бросает убийственный взгляд, словно это я сейчас угрожала, но не говорит больше ни слова. Уходит прочь из комнаты. Словно его здесь и не было. Но запах омелы, древесины и дыма все еще витает в воздухе.

Где-то в коридоре раздается женский визг. Видимо, соседки по этажу, встретили Дэмиана. Голосов все больше. Удаляются. Значит, и он ушел.

Лишь сейчас понимаю, что почти не дышала нормально. Прислоняюсь спиной к стене — она холодная, то что нужно, чтобы прийти в себя, — и медленно сползаю на пол.

Вляпалась. Вот теперь уже не по уши, а целиком. Без камертона. С кучей врагов во главе с местным “богом”. И что значит “мёртвая здесь”?

Глава 3. Недооцененная угроза.

Дэмиан Сэйхар:

Ночь. То самое время, когда силы заклинателей слабеют, а демоны обретают истинную власть. Но мало кто знает, как опасна растущая луна.

Ее бледный свет проникает в окна, разбавляет полумрак спальни и смешивается с тусклым золотом свечи. Бликует на поверхности камертона желтоглазой девчонки.

Руны на нем все до одной высечены без ошибок и с одинаковой глубиной, как и положено, но магией практически не веют. И дело не в том, что камертон разломан надвое.

Артефакт может испортиться, но следы его магического использования должны остаться на некоторое время. А их нет, что означает одно из двух.

Первое: это старый инструмент, который давно истощил заряд. Артефакт-пустышка, какие продают глупцам на черных рынках. Второе: желтоглазая даже понятия не имеет, как им правильно пользоваться. В этом случае пустышка она. Поэтому следов магии нет.

Однако и первое, и второе приводит к общему: камертон не мог помочь седовласой уловить демоническую энергию. Никак.

Но девчонка безошибочно нашла первые артефакты и даже умудрилась направить инструмент на меня. Это могло быть простым совпадением. Но точно не с ней. Не с ней. Тогда как…?

От мыслей отвлекает щелчок, характерный открыванию двери.

Последние отчаявшиеся, решившие пролезть сюда, как тараканы, стали отличным примером для других, не желающих быть отчисленными, держать со мной дистанцию. А значит, войти без стука посмели бы только двое.

И это не отец, вечно занятый великими делами. Пахнет сердобольным братцем, у которого как раз появился повод прочитать мне нотации.

— Дэм!

Ранд врывается из гостиной в спальню на всех парах, но останавливается, заметив разломанный камертон на кофейном столике. Его глаза округляются так, будто я не артефакт у Помехи забрал, а еще и убить ее успел при этом.

— Это же… — охает Ранд, глядя на разломанный камертон седовласой.

— Сломанная безделушка, — отвечаю неохотно.

Накидываю платок с блокирующими рунами, в котором, как оказалось, вообще не было смысла. Ничего особенного в этом камертоне. Как и думал, но подстраховаться стоило.

— Что стряслось, раз ты пришел сюда посреди ночи, Ранд?

— А, по-твоему, я должен спокойно спать, когда тебя назвали демоном на глазах у толпы? — парирует брат.

Нервный, напряженный. Даже прическа попортилась — темные волосы вывалились из хвоста и торчат в разные стороны. И его явно бесит мое спокойствие.

Но лишь недалекие паникуют в момент, когда нужно иметь холодную голову.

— Кто назвал? — спрашиваю Ранда и откидываюсь на спинку кресла с таким видом, будто ничего такого, что стоило бы запомнить, сегодня не произошло.

Ранд психует.

— Первогодка с седыми волосами и этими пугающими глазищами, — вопит он так быстро, будто от скорости сказанного что-то изменится, а потом соображает. — Да ты издеваешься. Ты все понял с самого начала. Смешно тебе, Дэм? Какая-то первогодка назвала тебя демоном! Ее камертон на тебя указал! Профессор Ривз это слышал! Все слышали.

— Не меня она назвала демоном, — поправляю брата.

Хотя из нас двоих паниковать стоило бы мне. И да, я прекрасно помню этот день.

Утро было славным. Все, как всегда, шло по плану. Ничего не предвещало беды, даже на свалившуюся девчонку не было смысла обращать внимания — первая, что ли, такая? Просто ждал, когда министерский сынок избавится от назойливой мухи.

Ник уже третий год старается мне угодить. Думает, что так заполучит расположение Сэйхаров. А я не мешал. Пусть служит. Но служит получше, ибо его спор с девчонкой утомлял. Но дальше стало хуже. Она завопила:

— Демон!

Тело прострелило от макушки до пят. Я поднял взгляд, хотя не собирался на нее смотреть. И в тот момент земля треснула под ногами.

Эти глаза. Это лицо. Волосы.

А я ведь целый год был уверен, что та девчонка была блондинкой. Оказывается, седая. Поэтому и не нашел. Думал, сгинула.

А она здесь. И все еще живая. Стояла прямо передо мной. В моей же академии.

“Зачем?!” — гремело в голове намного громче чем нужно, в тот момент.

Мозг прокрутил сотню сценариев в секунду, прогнозируя, что выкинет эта девчонка. А она будто даже не узнала. Смотрела растерянно, или же просто притворилась? У нее был план? Или в самом деле все забыла?

Последнее было бы самым прекрасным. Но уповать на веру — удел дураков. Я должен был разобраться, потому и явился к ней в комнату.

Разобрался, демоны меня дери, и понял, что сильно недооценил угрозу…Но брату это знать не нужно.

Потому и накидываю на губы улыбку, которой обманываю всегда и всех.

— Та первогодка посчитала, что я прячу экзаменационный артефакт с демонической силой, — успокаиваю Ранда.

Но он не отступает.

— Разве? Дэм, я дико устал подчищать за тобой всякий раз!

— Всякий раз? — переспрашиваю я.

Я прокололся лишь однажды, но Ранд знает не все детали. Однако продолжает нагнетать.

— Может, эта девчонка в самом деле ошиблась, а может… — он болтает без умолку.

Напоминает о том, что стоило похоронить. Это начинает утомлять.

— Если тебя так беспокоит первогодка с одним магическим кольцом, так устрани проблему, — говорю ему то, что он и сам должен отлично понимать. — В конце концов, кто из нас куратор, а кто пока еще адепт?

Глаза Ранда округляются.

— Хочешь, чтобы я испортил девочке жизнь? — спрашивает так ошарашенно, будто я предложил ему прыгнуть с башни.

— У тебя есть другие варианты?

— Иногда ты в самом деле меня пугаешь. Как ты можешь принимать подобные решения с такой легкостью?

— Если я испытаю муки совести, это что-то изменит? — задаю резонный вопрос. — Кто-то в семье должен быть плохим, чтобы другой мог оставаться благородным, так ведь, брат?

— Ты идиот, Дэм!

— Мне больше нравилось, когда ты называл меня чудовищем, — припоминаю прошлое, от которого стоило бы выть, забившись в угол, но я усмехаюсь.

А Ранд бледнеет.

— Я был не прав, — он отводит взгляд в сторону на пару секунд. — Но сейчас забочусь изо всех сил, и ты это видишь! Если отец узнает о том, что было… Если дело не в ошибке, а эта девчонка в самом деле…

— Тебя это не коснется. Не стоит так переживать.

— Зато тебя коснется, а мы не просто семья. Мы Сэйхары! Продолжатели рода Святых. А ты — наследник!

— Я в курсе, кто я, — чувствую, как внутри закипает злость. — И поверь мне, если станет опасно, от этой девочки не останется и следа задолго до приезда отца в академию.

— Что… Что ты собираешься с ней сделать? — выпаливает Ранд, а глаза наполняются хорошо знакомым страхом.

Таким, каким обычно смотрят на стихию, с которой невозможно совладать.

— Я — ничего, — намеренно выбираю беззаботный тон. — Первогодка сама облила себя маслом. Не одумается, и я поднесу к этому маслу огонь. Девчонка слабая. Пустышка без рода. Она быстро сломается.

— Сломается? Ты явно недооцениваешь других. Особенно бедняков, Дэм. Им нечего терять, потому они и опасны.

— Приму к сведению, — отмахиваюсь, хотя дурацкое чувство, что он может быть прав, забивается под ребра.

Ранд, кинув еще один взгляд на камертон, уходит, не прощаясь. Комната пустеет, и я прислушиваюсь к треску воска почти догоревшей свечи.

Ее ствол белый, как волосы свалившейся на мою голову девчонки. А пламя, как ее глаза — золото, топаз.

Жуткая красота и… глупость. Роковая глупость, ведь вместо того, чтобы послушаться совета, огрызалась и смотрела прямо в глаза, будто у нас равные статусы. Ни грамма образования, но мозги-то должны хоть какие-то иметься?

Раздражает.Приходится вдохнуть поглубже, чтобы успокоиться, а воздух пропитан дешевым запахом этой девчонки, оставшимся на платке. Ромашка? Демоны бы ее побрали.

Даже смешно. Моей головной болью стала жалкая Ромашка? Абсурд. Но это ненадолго.

Девчонка исчезнет. И дело уже не в красной луне, и не в ее подозрительном поведении.

Все гораздо хуже — **Он** среагировал на нее.

Яра Шторм:

Подниматься с пола совершенно не хочется. Это будто означает, что пора опять идти в бой. А я еще толком не отдохнула, не погоревала как следует о своем нелегком будущем.

Но как говорит мама: “Поплакать всегда успеешь, а вот дела любят срок”.

Потому и поднимаюсь на затекшие ноги, отряхиваю платье и принимаюсь за обустройство нового пристанища.

Разложив пожитки на свободные полки в шкафу, заправляю кровать.

Дома свежая постель пахла хозяйственным мылом, луговыми травами и ромашкой, но быстро пропитывалась запахом еды, так как дверей не было. Кухня служила нам и гостиной, и коридором, разделявшим две комнаты, — нашу с Аей и родительскую. И мне все это нравилось.

Потому этот изысканный аромат местного постельного белья кажется чужим и холодным, но даже он никак не избавляет от другого запаха. Омела, древесина и дым. Запах Дэмиана Сэйхара, который, кажется, пропитал здесь все насквозь и даже меня.

И с какой стати бог академии самолично являлся в мою комнату? С чего вдруг велел мне уйти? По доброте, говорит, душевной! А потом угрожал.

Но он ведь просто блефовал, не более? Не станет же наследник Святых марать руки. Тем более из-за меня.

Да и что я такого сделала в конце концов? Повернула камертон в его сторону? Подошла? За такое не казнят, максимум отчитывают.

Хотя кто знает, к чему привыкли избалованные богачи. Вон даже Рузанна, хоть и не из высшего сословия, а дочь наместника, никогда не видит границ.

Мало мне было войны с ней, теперь еще и под гнев местного божка попала?!

Злюсь так, что несчастная подушка, на которую я как бы натягивала наволочку, напоминает теперь потрепанную грушу для битья. Ну, зато хотя бы пыль из нее вытряхнула. А пыли было много, до сих пор кружит в воздухе. И этот запах Сэйхара! Фу!

Открываю окно, чтобы вытравить все, что напоминает о нем, и за спиной раздается щелчок.

Вздрагиваю, хотя подобных привычек шарахаться от всего подряд за мной раньше не наблюдалось. Видимо, от встречи с этим проклятым “божком” все еще не отошла.

Закрываю окно, так как от сквозняка уже дважды получила прядями своих же волос по лицу, и оборачиваюсь.

— Иша! — узнаю шатенку, застывшую на пороге, и сердце пускается в пляс.

— Яра! — радуется она.

Срывается с места и бежит ко мне, желая обнять. С радостью обнимаю в ответ, ибо в этой огромной академии очень нужен друг. Вот мы и радуемся, пока Иша не вспоминает:

— Рузанна тоже поступила, — шепчет она, вздрогнув.

И на то есть свои причины.

***

Три недели назад:

— Уже поздно. Займи любую свободную кровать, а утром начнется подготовка к вступительным экзаменам, — сказала мне смотрительница, когда я, запыхавшись, прибежала к воротам академии перед самым закрытием.

Эта строгая на вид женщина не выгнала, не отругала за опоздание почти на день. Она лишь проверила наличие кольца силы на запястье и показала путь к общежитию для поступающих, попутно давая наставления.

Я слушала и радовалась так, что пульс зашкаливал от волнения. Не могла поверить, что успела. Что все-таки добралась, еще и камертон успела купить. Хотела рассмотреть академию, но общежитие для поступающих стояло на отшибе, и было темно.

Отложила идею на утро и предвкушала знакомство с соседками, но едва мы подошли к дверям одной из комнат, как сердце ухнуло вниз.

— Я дочь наместника Парама! И я точно сдам экзамен! Не сомневайтесь!

Женский звонкий голос, доносившийся из-за двери, был очень знаком. И как же я хотела ошибаться, несмотря на то, что точно слышала и про наместника и название своего родного города.

— Конечно! Ты не только умная, но и красивая. Волосы, как у самой богини, рыжие! Уверена, уж тебя-то Дэмиан Сэйхар заметит! — звучали голоса в ответ. А затем и имя. — Рузанна!

Двери распахнулись. Пятерка девушек, столпившихся возле кровати, заваленной одеждой и украшениями, смолкла. Я скользнула взглядом по юным лицам, остановилась на хорошо знакомом.

Рузанна выглядела как принцесса в нежно-голубых шелках. И едва она узнала меня, как напряглась в плечах. Даже встала, видимо, желая выгнать прочь, но вспомнила, что не дома. И при смотрительнице так себя вести нельзя.

— Встречайте пополнение, Яра Шторм, — представила меня женщина, а затем обратилась уже ко мне. — Подъем в шесть утра, завтрак с семи, а в восемь инструктаж и подготовка к вступительным экзаменам.

Она вышла из комнаты, и воздух накалился до предела.

— Ты что здесь делаешь, Пугало?! — Рузанна дернулась в мою сторону и сжала кулаки.

И если бы не запрет на драки и страх отчисления, но вряд ли бы остановилась на этом. Попыталась бы вырвать мне волосы, не меньше.

— Видимо, то же, что и ты, — я ответила бесцветно и пошла к самой дальней кровати под шепот девчонок.

“А кто это? Что с ее волосами? А глаза ты видела? Они жуткие!”

Они говорили тихо, но я слышала. А Рузанна и вовсе не стесняла себя.

— Эта ущербная — дочка рыбака. Их тухлятиной мы всей семьей едва не отравились, — она сказала громко.

И она лгала об отравлении, но я смолчала. Зря. Рузанна продолжила:

— У нас ее считают Проклятой. Так что лучше не подходите. Всех, кто с ней рядом, непременно настигает беда!

А вот это, увы, не было не ложью. По крайней мере про то, как меня обзывали. Но никого из моих близких не настигла из-за меня беда. По крайней мере, магическая. Не считая, пожалуй, целителя с Лиловой горы, спасшего мне жизнь.

Наверное поэтому слова Рузанны хлыстом прошлись по сердцу. Дико захотелось поставить ее на место, но я сдержалась. Она ведь чуть что доложит об обидах отцу, а тот может усложнить жизнь моей семье.

— Эй ты, я не буду спать с тобой в одной комнате! Иди и просись в другую! — крикнула Рузанна.

Девчонки, облепившие ее со всех сторон, недоумевающе уставились на нее. Но рыжая не растерялась:

— Говорю вам. Проклятая она! И вы с ней в одной комнате не спите. Нужно ее выгнать!

Удивительно, но пары слов соседкам оказалось достаточно, чтобы выбрать сторону. Видимо, Рузанна времени зря не теряла, нахваливала себя и семью, играла в элиту, собирала свиту. Вот девчонки и купились. Потянулись к “солнцу”. Но все еще не решались кидать на меня открыто.

— В-выгнать? — спросили Рузанну. — Нас могут за такое наказать.

— Значит, сделаем так, чтобы сама сбежала!

А вот это я уже не смогла игнорировать.

— Наговорились? Теперь слушайте внимательно: кто будет приставать ко мне, того прокляну так, что семь лет беды преследовать будут. — пригрозила я, а в ответ на удивленные лица, добавила. — Да-да, я же проклятая. Еще и на голову больная. Но тех, кто не лезет, не трогаю. И очень даже умею дружить, если что.

Сказала и отвернувшись, позволив им повариться немного. И лишь в этот момент заметила шестую девушку. Она сидела тихо в углу в ситцевом платье в заплатках, с потрепанной книгой и испуганно поглядывала то на меня, то на свиту дочери наместника.

— А ты чего уставилась, Иша? Иди и прибери здесь все! — рявкнула ей Рузанна, указывая на ворох вещей на кровати.

Девчонка вздрогнула:

— Я?

— Ну не я же. Думала, вчера кровати заправила и все? Вставай, говорю!

— Я вчера… просто вам помогла, — пропищала Иша в ответ.

— Вот и сегодня поможешь. Или видишь кого-то более подходящего на роль служанки?

— Да почему я служанка?

— А потому что она дочь купца, я дочь наместника. У семьи Рики своя ткатская фабрика. Мы не привыкли делать сами. А ты сказала, что мать твоя поломойка.

— Она горничная! — оскорбилась Иша, но толку-то.

— Вот и говорю. Работать тебе. Или что, с этой убогой пример взяла и осмелела? Тоже проклятиями будешь угрожать? Не поверим, зато жизнь тебе отравим, — пригрозила Рузанна, а затем крикнула соседкам. — Девочки, по-хорошему она не понимает!

И те тут же насупились, ожидая любой гадкой команды.

— Не надо! — Иша вскочила с кровати. — Я помогу. Мне… несложно…

Одна лишь богиня знает, как я уговаривала себя не лезть. И не полезла. Закрыла глаза раз, второй. А Иша так смотрела на меня и молча в чем-то помогала. То книгу подвинет на занятии, то перо подаст, если упало.

Потому на третий раз, когда Рузанна пристала к Ише, заставила вымыть ей обувь и при этом будто невзначай наступила той на пальцы, я не выдержала. Встала напротив и ляпнула во весь голос:

— Проклята. Точнее будешь проклята равно через пять секунд. Если, конечно, не отстанешь от Иши.

***

С тех пор нас и не трогали. Но продолжали гавкать. Потом, правда, поняли, что проклинать я все-таки не умею…

Эту историю мы с Ишей и вспоминаем, то смеясь, то впадая в грусть, то смолкая в новой комнате, где нас теперь лишь двое.

— Яра, — окликает меня Иша. — Теперь все будет хорошо?

— А как иначе? Тогда же справились и сейчас справимся, — обещаю подруге.

Мы говорим еще час, вместе изучаем расписание занятий, разбираем учебники, которые приносят в комнату перед отбоем, и делимся мечтами о том, какой будет наша жизнь, когда мы выпустимся и станем настоящими заклинательницами демонов.

Окрыленная светлыми мечтами, ложусь в кровать уже ближе к полуночи. Проваливаюсь в темноту, а затем в сон, который уже месяц мне не снился…

Корявые ветви деревьев, страшный гул, земля дрожит под ногами, а эти самые ноги уже стерты в кровь. Внутри такой ужас, что я вот-вот сойду с ума. Фигура в белой мантии целителя особенно четко выделяется в темноте, а затем вспышки.

Зажмуриваюсь, закрываю уши руками, а затем просыпаюсь в холодном поту. Пальцы до боли сжимают простыни. Рассвет за окном прогоняет отголоски кошмара, который как будто пытается спрятаться в каждом темном углу комнаты.

— Ма-му-бу, — невнятно бурчит Иша сквозь сон, и я окончательно прихожу в себя.

Упираюсь локтями в колени и закрываю ладонями лицо, чтобы перевести дух и еще раз напомнить себе, что это был лишь сон. И он теперь долго не будет мне сниться.

Посидев немного, отправляюсь в ванную, чтобы умыться. Все равно ведь собиралась проснуться пораньше и запомнить карту академии, чтобы меньше обращаться к адептам.

А вот что делать на занятиях без камертона, я пока не придумала. Этот инструмент помогает не только выслеживать демонов, но и лучше взаимодействовать с магией, взращивать ее. Без камертона меня запросто могут выгнать с занятия. А все этот проклятый бог академии!

Даже передергивает от одного воспоминания, но тут же вытряхиваю хлам из головы и собираю косу, чтобы седые волосы были не так заметны. А вот желтые глаза никак не спрячешь, увы.

Иша просыпается через час, быстро собирается, и мы покидаем комнату пораньше, чтобы не опоздать и не попасть в неприятности.

А неприятности уже давно нас поджидают. В коридоре стоит две дюжины девиц. Половина из них стоит в ночных сорочках и ничего не понимает. А вот шесть девчонок в полной боевой готовности ждут нас.

Глава 4. Провокация

Судя по цвету лент на их предплечьях, девочки далеко не первогодки. И не с нашего этажа — много дорогих украшений на руках и в волосах. А рядом с ними Рузанна.

— О! Вот она! — заявляет рыжая, тычет в мою сторону пальцем.

Иша вздрагивает от одного лишь взгляда рыжей и сжимает мой локоть. А вот я, кажется, сильно недооценила масштаб неприятностей, которые может организовать Рузанна.

— Ты. Стой на месте! — приказывает мне старшекурсница, и в момент окружает нас с Ишей своей свитой.

Соседки по этажу, вышедшие на шум в ночных сорочках, недоумевающе наблюдают за происходящим и ждут моей реакции.

— Что-то случилось? — я спрашиваю “гостей” как можно спокойней.

— Это ты вчера подходила к Дэмиану Сэйхару? — Этот вопрос старшекурсница задает с таким видом, будто я не просто подошла, а убить наследника пыталась.

Вот же демоны! Вся эта толпа явилась сюда только из-за этого?

— Она! Я точно видела! — выкрикивает Рузанна, не дав мне даже рта открыть.

Старшекурсница не лучше.

— Ты совсем страх потеряла, первогодка? — Она делает шаг в мою сторону.

Иша инстинктивно дергается назад, пытаясь и меня оттащить, но это не та ситуация, когда можно отступить. Мозг за секунду оценивает все возможные варианты исхода, включая и тот, когда нужно прикинуться дурочкой. И сейчас это невыгодно.

— Я не подходила, я выпала из окна. И я не знала, кто он такой, — спокойно сообщаю девушкам и оцениваю реакцию каждой.

В нормальной ситуации мои доводы отрезвили бы пылкие умы, но эти девушки пришли сюда уже заведенными. И без сплетен явно Рузанны не обошлось.

А я ведь предлагала ей жить мирно.

— Говорю же, эта девка способна на все, лишь бы привлечь внимание. Ее у нас в Параме Проклятой называли. Она такие гадости творила, что хуже демона! — талдычит Рузанна. — Не верь ей, старшая! Как можно не знать, кто такой Дэмиан Сэйхар?!

— В одном ты точно права, — соглашается старшекурсница и с прищуром смотрит на меня. — Я бы поверила, если бы ты ошиблась в первый день в академии, но ты пробыла тут три недели. За дурочек нас держишь?

— До тебя куча идиоток нажила себе проблем. Захотела выделиться среди других, так мы поможем тебе вспомнить свое место! — сердито добавляет блондинка, что стоит сбоку от Рузанны.

Пошла жара…

— Постойте минуточку, — прошу я. — Только из-за того, что я оказалась не в том месте, не в то время, собираетесь меня наказать?

— Все в Эриасе знают, что к наследникам Святых нельзя подходить. Тебе еще везет, что мы в академии центральной равнины, и официального наказания здесь нет. А вот в Песках тебя бы в пустыню выгнали на сутки.

— А в академии Севера высекли бы плетью! Но лучше бы таких наглых сразу отчисляли! — Разгоняет Рузанна. — Надо ее проучить, чтобы не повадно было! — подначивает она.

И девчонки, как назло, ведутся.

— Насилие между адептами запрещено! — напоминаю строгим тоном. — Неужели кто-то хочет быть отчисленным?

Надеюсь, что хотя бы этот аргумент отрезвит пылкие умы, но нет. Даже старшая теперь смотрит на меня куда злее.

— А ты докажи, что это были мы, — говорит она. — Девочки, затолкайте эту выскочку в комнату, чтобы никто не увидел!

— Нет! Стойте! — кидается Иша, пытаясь меня защитить. — Она не хотела! Она ведь случайно!

— Отойди с дороги, не то и тебе достанется! — предупреждает блондинка.

— Эту дочку поломойки тоже нужно наказать! Они одинаково виноваты! — выпаливает Рузанна, предвкушая, как потопит нас обеих одним махом.

Зря. Тот, кто не умеет остановиться вовремя, от своего же яда и умрет.

Кидаю быстрый взгляд на часы над лестницей, просчитываю кое-что в голове и заявляю девушкам:

— Не нужно трогать Ишу, она ни при чем. Виновата я, мне и отвечать. Выбирайте наказание!

— Яра! — одергивает меня подруга.

Я сжимаю ее пальцы и взглядом прошу сейчас оставить все мне.

— Что ты сказала? — переспрашивает старшекурсница.

— Я совершила то, чего не должна. Вы хотите меня вразумить. Скажите, что мне сделать, чтобы доказать, что я намерена учиться тихо и больше не выделяться? — спрашиваю барышень и делаю шаг вперед.

— Лжешь! — выкрикивает Рузанна. — Сладкими речами отделаться вздумала! Не верь ей, старшая! Она специально несчастной прикидывается! Знала бы ты, как она хитра, все бы волосы ей выдрала! Сейчас сделает вид, что все осознала, а завтра опять пойдет к Дэмиану! А тебе достанется от Лики!

— Уверена, что она прикидывается? — спрашивает старшекурсница.

И словам Рузанны она больше верит, чем моим.

— Ты… Вы обе. В комнату их! — командует блондинка.

Видит богиня, я хотела все решить мирно.

Кидаю взгляд к лестнице, затем к часам над ней и падаю на колени.

— Вот знак моей искренности! Я совершила ошибку по незнанию. А Рузанна наговаривает из-за давней вражды между нами! — выпаливаю, лишь бы потянуть время.

— Какой еще вражды? — спрашивает старшая.

— Ее жених когда-то… — начинаю я, глядя в глаза Рузанны так, что ее это точно взбесит.

Как и ожидается, рыжая кидается с места.

— Ты дрянь! Еще смеешь гордиться этим?! — орет она, схватив меня за грудки.

И раздается:

— Что за шум?!

В ту же секунду смотрительница входит на этаж. Девчонки испуганно оборачиваются. Рузанна отпускает мой воротник и выпрямляется, но поздно. Острые глаза женщины успели увидеть достаточно.

— Вы совсем не чтите порядков академии? — отчитывает смотрительница, строго глядя на Рузанну. — Рукоприкладство? Вы в своем уме?!

— Нет, я не… — пытается оправдаться рыжая, а остальные молча опускают головы и расступаются, боясь попасть под суровое наказание.

— Почему адептка стоит перед вами на коленях? Вы что, сборище бандиток? Встань, девочка! — приказывает мне смотрительница. — Почему ты стояла на коленях?

Кидаю взгляд на побледневших девиц, судьбы которых оказались в моих руках, как и планировалось. Но не сдаю их. Показываю смотрительнице шпильку для волос, которую заранее сняла с волос и припрятала в руке.

— Украшение упало, я пыталась поднять, — говорю, но голос намеренно делаю зажатым.

Смотрительница считывает прекрасно.

— Запугали толпой?! Бессовестные! Будете наказаны все! — рявкает она.

— Но это несправедливо! Она сама встала на колени! Ее никто не просил! — выкрикивает Рузанна.

— А вы толпой зачем здесь собрались? Разве вы все с этого этажа? За ложь удвою наказание! Полчаса простоите сейчас на коленях, а после занятий отмоете все коридоры женского общежития, чтобы неповадно было! Еще возражения будут?

Девчонкам явно есть что сказать, но прикусывают языки под гневным взором женщины.

— Вот и прекрасно. Приступайте. — командует смотрительница, затем обращается к нам с Ишей. — А вы идите на занятия.

Молча взяв подругу за руку, ступаю к лестнице, но останавливаюсь на секунду лишь для того, чтобы посмотреть в глаза Рузанне. “Зря ты не остановилась, когда была возможность. Зря.”

И после этого ухожу под таким шквалом взглядов соседок по этажу, что живого места на теле не остается. Благо, во дворе адептов поменьше.

— Как же нам повезло! — радуется Иша и жадно вдыхает свежий утренний воздух. — Сама павшая богиня нам помогла и привела смотрительницу! Разве это не удача, Яра!

— Удача, конечно. Смотрительница делает обход в женском крыле с половины седьмого до семи тридцати, потому нам и велели вставать раньше, когда мы жили в комнатах для отбора. Вот только удача, что Рузанна привела свиту именно в это время, — отзываюсь я и подталкиваю Ишу на дорожку, где поменьше народа.

— Как? Погоди! Ты знала, что она придет? — охает подруга.

— На осмотр одного этажа уходит примерно десять минут. Поскольку наш этаж последний, она должна была появиться в семь двадцать, — признаюсь подруге.

И Иша охает.

— Так ты поэтому на колени встала? Ты специально спровоцировала Рузанну? — догадывается она, но не осуждает.

Наоборот, смотрит так восхищенно, будто я голыми руками демона сразила, притом в его первобытном дымоподобном обличии.

— Рано радоваться. Мы избежали расправы в моменте, но это не отменяет новых попыток нам навредить, — напоминаю подруге, а про себя отмечаю, что теперь девицы будут злее.

Но с волками жить — по-волчьи выть.

— Скоро со мной рядом может стать опасно, Иша. Так что ты не обязана занимать мою сторону, — предупреждаю я.

— Думаешь, я брошу тебя, когда ты меня столько раз спасала? — сердится подруга. — Обещали же, что всегда будем вместе. Тем более с твоей хитростью нам никакой враг не страшен! — гордо заявляет она, а я застываю.

Но вовсе не из-за слов Иши, а потому что самый страшный враг стоит у беседки и выслушивает донос своего лакея. И стоит Дэмиану заметить меня, как его зеленые глаза вспыхивают.

— А пойдем-ка той дорогой! — выпаливаю я, схватив Ишу за руку.

— Какой еще дорогой? Тут других нет!

В этом Иша права, но и сталкиваться еще раз с жестоким наследником желания нет совершенно. Тем более что в его сторону уже глазеют адепты. А он мне практически смертью угрожал. Даже если это такая “шутка” для элиты.

— Раз нет, так сделаем! — заявляю я и тащу подругу прямо в кусты.

Что такое пара уколов веточек по сравнению с бурной ревностью его поклонниц? Хотя, если бы не Рузанна со своим длинным языком, ситуацию можно было бы уладить словами.

Через несколько минут мы доходим до башни, где находится одна из столовых. По всей академии их четыре, и все обедают, завтракают и ужинают там, где ближе.

Поскольку в зале уже куча народа, мы с Ишей выбираем самый дальний стол, но и это не спасает от косых взглядов. Либо местная молодежь глазеет из-за моей странной внешности, либо тоже уже в курсе того, что я упала вчера богу на голову. Точнее в ноги.

Но сытный завтрак, какого я в своей жизни еще не пробовала, быстро поднимает настроение, а вот времени попивать сладкий чай нет. Лучше прийти в кабинет до того, как объявится Рузанна со свитой, чтобы избежать новой стычки.

Иша полностью со мной согласна, и потому мы чуть ли не бегом добираемся до второго этажа. Профессор, она же высокая женщина со стянутыми в тугой пучок темными волосами, уже стоит за кафедрой. Она не обращает внимания ни на нас, ни на других присутствующих, ни на новоприбывших, включая рыжую, ровно до того момента, как звенит колокол.

— Занятие началось. Отставить разговоры. Не отвлекаться, слушать внимательно! — приказывает она, кидая взор на толпу.

И Рузанна, которая до этого времени пыталась прожечь меня гневным взглядом, обещающим скорую расправу, наконец-то, отворачивается.

— Меня зовут Тинелла Корнус. Я буду обучать вас азам взаимодействия с магией. Надеюсь, вы все независимо от того, проходили отбор или нет, уже ознакомлены с теорией?

— Да, госпожа Корнус! — выкрикивает Рузанна, желая выслужиться.

— Профессор Корнус, — поправляет ее Тинелла. — Отлично. Тогда доставайте камертоны и перейдем к практическим занятиям.

Пу-пу-пу. Вот и начались неприятности.

— Адептка. Вы с седы..кхм, со светлыми волосами. Представьтесь и объясните, где ваш камертон, — кидает в меня строгий взгляд профессор.

— Яра Шторм. — Встаю с места. — Прошу прощения, мой камертон был сломан во время вступительных экзаменов.

Адепты, едва услышав это, начинают перешептываться.

— Сломан? — переспрашивает женщина. — Как вы могли допустить такое? Камертон для вас безделушка?

— Я… — пытаюсь подобрать слова, но мысли путаются, а смешки свиты Рузанны и вовсе сбивают с толку.

— Адептка Шторм, вы знаете, какую ценность представляет для заклинателя камертон? Это не просто инструмент, который обнаруживает демонов. Это продолжение вашей руки и сердца. Без него взращивать магию практически невозможно. Тем более, когда у вас, как я вижу в журнале, всего одно кольцо. И как же вы собираетесь учиться?

— Профессор Корнус, можно мы с Ярой сегодня одним на двоих воспользуемся? — пытается помочь Иша.

— Может, и голова у вас тогда одна на двоих будет? Вы не поняли, что я только что сказала? Одна душа. Одна магия. Один камертон.

— Простите, профессор. Я непременно куплю новый к следующему занятию, — обещаю я.

— Купит? Ей даже на нормальную сумку денег не хватило, — буркает Рузанна, тыча пальцем в мой узел, и свита начинает давиться смехом.

— Тишина! — отрезает профессор. — А вы, адептка Шторм, можете быть свободны. Как обзаведетесь камертоном, так и приходите. Все понятно?

Приспешницы рыжей, несмотря на то что их приструнили, все равно злорадно скалятся, а мне ничего не остается, кроме как проглотить огромный горький ком, вставший поперек горла, и попрощаться с профессором.

Вываливаюсь в пустой коридор и дико хочу что-нибудь избить. В идеале того самого бога академии, сломавшего мой камертон!

Ну это же безумие какое-то. Я просто сдавала экзамен, не знала, кто он такой, но именно это чинит столько препятствий, что волком выть хочется.

То толпа девчонок, караулящих у комнаты, то теперь это! Я пришла сюда стать заклинателем демонов, а в итоге оказалась выставленной за дверь на первом же занятии.

— Мерзавец! — рычу я и пинаю со злости колонну так, что боль простреливает от пальцев до колена.

— Боевой магии учат не здесь. — Раздается за спиной голос.

Голос, от которого мурашки идут с головы до пят.

Дэмиан Сэйхар.

Глава 5. Помиловать нельзя казнить

Оборачиваюсь и убеждаюсь, что не ошиблась. Бог академии, выраженный с иголочки, с идеальной укладкой и безжизненной маской на лице, идет по коридору в сопровождении своего лакея, точнее того самого болтливого адептка.

А я стою оцепеневшая. Отсчитываю его шаги, и, чем ближе подходит Дэмиан, тем быстрее колотится сердце. Аромат омелы, древесины и дыма заполняет весь воздух. Но Сэйхар проходит мимо меня, словно я один из столбов в коридоре.

— Стой! — выпаливаю я, в считанные секунды догоняю и преграждаю путь богу академии.

— Новенькая, у тебя совсем мозгов нет?! — выпаливает лакей, готовый чуть не пинком меня отогнать, но Дэмиан поднимает ладонь вверх, и парень пятится.

Сначала на один шаг. Затем на три, на пять, и лишь тогда Дэмиан опускает руку, адепт останавливается.

М-да.

— Ты бессмертная, что ли? — задает Дэмиан очень актуальный вопрос.

Но я точно буду трупом, если не верну камертон.

— Прошу прощения за наглое вторжение и за прошлые необдуманные слова. Впредь я не буду доставлять неудобств. Вы даже меня не заметите, — начинаю так вежливо, как только могу, и бог академии, мягко сказать, озадачен.

Смотрит так, будто был свято уверен, что я лишь грубить умею. И, положа руку на сердце, я бы предпочла именно это. Но приходится засунуть свои предпочтения куда подальше, натянуть улыбку и выдавить из себя просьбу:

— Можете ли вы проявить великодушие и вернуть мне мой камертон, старший?

Тьфу! Аж саму корежит от этого “старший”. Но на бога академии, кажется, произвело впечатление.

Он даже застывает на пару секунд и не моргая смотрит мне прямо в глаза. А мне от этого взгляда сбежать хочется.

Стоять на месте, Яра, терпеть! Тебе нужно вернуть камертон!

— Новенькая, ты сейчас пытаешься пустить мне пыль в глаза? — прищуривается Дэмиан. — Думаешь, я не в курсе, что утром ты прикинулась дурочкой и подставила щеку обидчикам, чтобы заманить их в ловушку? Умно, Яра Шторм. Но со мной не сработает.

Вот же гад.

— А вы наблюдательны. Как истинный, достойный наследник Святых, — цежу ему максимально добродушно, но Сэйхар будто насквозь меня видит.

— Сотри эту фальшивую улыбку с лица, — велит он.

Ага, разбежалась. К тебе либо так, либо вообще никак!

— Улыбка, может, и не до конца искренняя, но за ней зла я не прячу. Вчера я дерзила, сегодня сожалею, потому и выбираю самый вежливый тон. Но это не так плохо, как скрывать свои злодеяния за маской добродетели, так ведь?

— Это ты сейчас злодеем меня назвала? — отлично соображает Сэйхар.

— Ну что вы. Разве вы делали что-то плохое? Отбирали чьи-то вещи или угрожали кому-то? Ни в коем случае. И я верю, что вы настолько благородны, что все-таки вернете мне мой камертон, — проговариваю с невинной улыбкой.

Дэмиан смотрит так, будто сейчас мне шею одним щелчком пальцев свернет. И он точно может. Но не станет.

Вчера я была на взводе, но времени прошло достаточно, чтобы понять несколько важных моментов. Дэмиан Сэйхар хоть и наследник рода Святых, хоть и наглец каких поискать, но точно не идиот, который станет пачкать свое имя таким поступком.

Я знаю это. И он знает, что я знаю.

Изучив мое лицо под разными углами, Дэмиан усмехается так, что по телу пробегает дрожь. Но не отступаю.

— Значит, сдаваться ты не собираешься, — констатирует он. — Зря стараешься. Я его выкинул.

— Что?! — охаю я, как громом пораженная.

— Надо же, как быстро “раскаяние” слетело с твоего лица, — усмехается “бог” и в следующую секунду наступает на меня так резко, что, отскочив, натыкаюсь спиной на стену.

— Яра Шторм, верно? Ты с виду сообразительная, но порой творишь такие глупости. С чего мне отдавать тебе камертон, когда я ясно дал понять, что тебя не должно быть в академии? И с чего ты взяла, что я хоть как-то клюну на эти слащавые речи? Считаешь себя самой умной?

— Считала, что хоть немного совести у наследника рода Святых все же найдется! – рычу ему от безысходности.

— Зря ищешь. Яра Шторм. Ты все делаешь зря. Ты не решила проблему в общежитии, а лишь отложила ее и осложнила последствиями. К тому же, оказывается, что у тебя помимо меня враги есть. Так зачем усложняешь себе жизнь, если можно сбежать отсюда прямо сейчас? — говорит он и сверлит таким взглядом, что начинаю задыхаться.

А его аура пропитывает каждый сантиметр тела.

— А еще мне интересно. Если сейчас кто-то увидит, что ты подошла ко мне во второй раз, что ты будешь делать? Опять встанешь на колени и сделаешь вид, что извинялась? Совсем нет гордости, Яра Шторм? — выдает вишенку на торте мерзавец и в недрах рождается такая злость, что хочется впиться ему в глотку.

— Не путай гордость с гордыней. Если мне нужно встать на колени, — я встану. Если нужно будет вытирать пыль с обуви господ, — я вытру. И я подставлю щеку столько раз, сколько потребуется. И дело не в происхождение, как кажется таким, как ты. А в том, ради чего я это делаю. Моя семья зависит от того, доучусь я в этой академии, или нет, и ради этого я вытерплю все, понятно теперь? Так что можете прекратить свои напрасные попытки меня запугать… господин наследник, — выпаливаю на одном дыхании, ибо внутри такой пожар, что самой от себя страшно.

— Хорошая же у тебя семья. Яра Шторм. Позволяет дочери опускаться ниже плинтуса, ради “великой” цели, — добивает Дэмиан, и я окончательно теряю самообладание.

Рука рассекает воздух, чтобы ударить его, и останавливаюсь лишь оттого, что раздается звон колокола.

Дзынь.

Дзынь.

Дон.

Дэмиан внимательно смотрит на ладонь, а затем на меня. Он знает, что как бы он меня ни бесил, я не посмею.

Наследника рода Святых нельзя бить. Тем более по лицу. За это меня не только вышвырнут, но и руку в назидание другим сломают.

— И как это понимать, Яра Шторм?

— Муха! Хотела поймать, — цежу сквозь зубы и опускаю руку.

Дэмиан внимательно отслеживает каждую эмоцию на моем лице, находясь в такой близости, что я задыхаюсь и уже ненавижу запах омелы.

— А ты все-таки хитрая. Даже буду скучать, когда ты исчезнешь, — выдыхает мне чуть ли не в губы, а его взгляд становится таким огненным, что почти обжигает.

— Мне кое-что интересно, господин наследник.

— Мне не интересно что тебе интересно.

Вот же гад. “Переживешь. Я все равно спрошу.”

— Почему вам так не терпится избавиться от жалкой полупустой вроде меня? — вскидываю голову. — Чего вы боитесь?

Дэмиана передергивает прямо на глазах. С его губ слетает самодовольная улыбка. Он будто просыпается ото сна, вспоминает что-то такое, что делает его лицо пугающе холодным, а взгляд — злым.

Мороз проходит по коже, и, кажется, я сейчас пожалею, что не держала язык за зубами, но бог, наклонившись ко мне еще ближе, шепчет:

— Жаль… тебя разочаровывать. Я просто забавляюсь. От скуки.

Дэмиан отстраняется, собирается уйти, но вдруг останавливается, чтобы добавить:

— Раз ты такая смелая и уходить по хорошему не хочешь, можешь забрать свой камертон. Буду ждать тебя в полдень, в третьем обеденном зале.

И улыбается, потому что знает, что подойти к нему при всех я не посмею. Это не приглашение — это открытая угроза. Испытание. Издевка.

И кинув этот вызов, он спокойно разворачивается и уходит. Лакей растерянно поглядывает то на меня, то на разгневанного бога еще несколько секунд, а затем пускается вдогонку.

Лишь когда коридор пустеет, я понимаю, насколько сильно дала мне по нервам эта встреча. Ноги ватные. Припадаю к стене, пытаясь перевести дух.

“Ты бессмертная?” — звучит голос Дэмиана в голове. Но мой ответ: скорее дура до мозга костей.

Надо было быть с ним сдержаннее, как с теми девчонками! Почему, когда я спорила с ними, легко могла контролировать слова и эмоции, а при Сэйхаре говорила все что на ум придет? Не могла прикусить язык. В самом деле, что ли, смерти искала?

Едва не врезала, идиотка! И ведь знала, что за такое и меня бы, и всю семью наказали!

Хлопаю по лбу, но толку-то. Поздно корить, нужно взять себя в руки и придумать, как решить проблему с камертоном. Мне ведь даже продать нечего, чтобы хотя бы на самый плохонький с черного рынка хватило до получения первой стипендии. Да и кто меня выпустит сейчас из закрытой академии?

А здесь где искать прикажете?

Точно! В голову приходит опасная, но весьма перспективная идея. Кидаюсь в сторону библиотеки, но едва выныриваю из поворота, натыкаюсь на двух высоких девиц.

Красивые, ухоженные. И волосы у обеих идеально уложены. А на предплечьях синие повязки — старшекурсницы. С очень хмурыми лицами.

— Это ты Яра Шторм? — спрашивают они меня.

Хотя ответ, кажется, уже знают. Их не удивляет мой цвет волос. Потому не дожидаясь ответа, заявляют:

— Тебя хочет видеть Ее Высочество. Сейчас же.

***

Старшекурсницы ведут меня на самый верхний этаж башни. И наше шествие не привлекает никакого вниманиея, потому что сейчас все нормальные адепты на занятиях. А среди ненормальных, я, бог академии и адептки-фрейлины самой настоящей принцессы, к которой меня и ведут.

Эти фрейлины ни о чем не спрашивают. Не отвечают на вопрос о том, что же случилось. И начинает казаться, что они скорее скрытые стражницы, нежели услужницы принцессы.

Нас замечают лишь раз, где-то в пролете между пятым и шестым этажом стоит толпа адептов у запертой двери кабинета.

— Что там? Кто там? Первокурсница? А что она сделала? Ее к самой Лике ведут? — перешептываются они, а затем добивают окончательно. — Ох, не хочу я быть на ее месте.

Я тоже вообще-то на своем месте быть не хочу! Тем более, что о характере третьей, к тому же наследной принцессы, ничего толком не знаю.

О ней, как назло, в отличие от Дэмиана Сэйхара, мало шептались по углам. А стоило бы вообще то. Все что я знаю: учится. Четыре кольца силы. Точнее, насчет учится это не точно. Пребывает в академии во имя соблюдения протоколов и для примера другим. А вот сражаться с беглыми из-за Стены демонами после выпуска скорее всего не станет. Но сейчас не об этом. Пока есть время, нужно вспомнить все, что когда-либо слышала о ее характере, но мы как назло поднимаемся на девятый этаж и останавливаемся возле высоких темных дверей.

— Сообщи, — говорит одна то фрейлина, то ли стражница в одеянии адептки другой.

Вторая, постучав в дверь и получив разрешение, входит и пропадает в комнате на несколько минут. А я наблюдаю за тем, как меняется лицо “фрейлины”, оставшейся со мной. Что интересно: ни осанка, ни голос не меняются, даже когда звучит приказ из-за двери: “Заведи ее”.

Лишь четкое и почти безэмоциональное “Слушаюсь” в ответ. Даже начинает казаться, что мы уже не в академии, а во дворце.

Темная дверь открывается почти беззвучно. Делаю шаг под строгим надзором и вижу у окна красивую девушку с рыжими, как у богини, волосами. Стройная, высокая, но одета как и все в академическую форму. Лишь осанка и украшения с драгоценными камнями на воротнике и лацканах выдают особенный статус.

Лицо у принцессы белое идеальное, лишеное всяких пятен и прочих изъянов. На щеках нет румянца. Глаза голубые, как безоблачное весеннее небо.

Принцесса прекрасна и воистину похожа на богиню. Точнее, на те образы Глеи, которые стоят в храмах.

— Это она? — Лика обращается не ко мне, а к той, что меня привела.

— Она, Ваше Высочество. — Склоняет голову шатенка.

— Говорят, утром ты устроила переполох, — вот теперь принцесса обращается ко мне.

Ее интонации, голос, звучащий будто песня, даже движения настолько неестественны, что вновь вызывают ассоциацию с чем-то божественным. Хотя, возможно, я путаю божественное с королевским.

Но сейчас не об этом, нужно сосредоточиться на том, как пережить эту встречу.

— Переполох в общежитии действительно случился, Ваше Высочество, но устроила его не я, — отвечаю максимально вежливо и в точности повторяю поклон, который сделала шатенка, чтобы ни в коем случае не проявить неуважение к наследнице королевской крови.

Слышу недовольное “хм” и лишь сейчас замечаю, что в комнате есть еще кое-кто. Та самая старшекурсница, которая привела девчонок к моей двери, сжавшись, как провинившийся ребенок, сидит в дальнем углу.

— Девочки пришли, чтобы объяснить тебе правила. Никто не подходит к наследникам Святых без приглашения. Тем более безродные. Но ты мало того, что отказалась признать вину, так еще и подставила их под наказание. Станешь отрицать? — спрашивает принцесса.

Ее звучит мелодично и тихо, но угроза пропитывает воздух.

— Девочки действительно пришли ко мне. Я готова была принять наказание и встала на колени, Ваше Высочество, — стараюсь говорить спокойно, а нервы бушуют так, что ладони потеют.

— В самом деле, встала на колени? Ты не говорила, — Лика кидает недовольный взгляд на старшекурсницу, и только та собирается открыть рот, как я продолжаю:

— В этот момент и вошла смотрительница. В коридоре было много девочек, они все видели, — повторяю я и спешу добавить, пока у меня не забрали слово. — У меня нет ни

рода, ни статуса, Ваше Высочество. Даже магия слаба. Я прекрасно понимаю, что в любой момент могу быть отчислена. Стала бы я рисковать всем, когда тихая учеба в академии — мой единственный шанс на безбедное будущее?

Принцесса наклоняет голову и задумчиво смотрит. Скорее всего, она не привыкла к ждала чего-то вроде падения в ноги и криков о пощаде, но этим я бы точно себя не спасла.

А судя по тому, как дергается уголок ее бледно-розовых губ, моя речь показалась Лике разумной, а я, возможно, понравилась.

— Ваше Высочество, позвольте сказать, — обращается та самая старшекурсница, чувствуя, что ее жалобы могут обернуться против нее.

И, положа руку на сердце, зла на нее не держу, даже несмотря на то, что пару часов назад она пыталась запереть нас с Ишей в комнате и избить. Я бы забыла это и жила дальше, но сейчас выбор не велик.

Либо я смогу убедить принцессу, что не буду помехой, либо мне конец.

— Говори, — разрешает Лика.

И старшекурсница с жаром выпаливает целую речь:

— Она упорно отказалась извиняться. Дерзила. Потом резко встала на колени! Она специально это сделала, чтобы нас наказали! И к наследнику Святых тоже полезла специально, а говорит, что не знала, кто он! Она хитрая лиса, Ваше Высочество.

— Да? — в свойственной ей мелодичной манере переспрашивает Лика, а затем смотрит на меня убийственным взглядом. — Ты утверждала, что не намеренно подошла к Дэмиану?

— Если двое идут по разным дорогам, но сталкиваются на перекрестке, это запланированная встреча? Если кого-то запирают в кабинете, а он, выбираясь из окна, падает к ногам наследника Святых, есть ли в этом намерение, Ваше Высочество? А что касается смотрительницы… Откуда мне было знать, когда она придет, если я провела всего одну ночь в общежитии для адептов? К тому же, когда смотрительница спросила меня, почему я стою на коленях, я не хотела создавать проблем, и сказала, что уронила заколку, — отвечаю я, и в этот момент принцесса подозрительно прищуривается, словно пытаясь понять, правду ли я ей говорю.

— Занятно, — отмечает она спустя несколько мучительно долгих секунд молчания. — Мне сообщили, что ты дочь рыбака.

— Это так, Ваше Высочество.

— Слишком сообразительна для простолюдинки.

— Беднякам нужно знать свое место и быть сообразительным ровно настолько, чтобы не раздражать господ и не угодить в беду. А раз я угодила, значит, не так уж и сообразительна. Но обещаю, что впредь буду вдвойне осмотрительной, — говорю принцессе, и в уголке ее губ вновь появляется едва заметная улыбка.

— Что ж, Яра Шторм. На первый раз я тебя отпущу. Но! Если узнаю, что ты меня обманула, то ты снова выпадешь из окна. На этот раз с верхнего этажа башни, — предупреждать принцесса, и кровь стынет в жилах.

Но на лучший исход и рассчитывать было бы глупо.

— Уведите. — отдает она приказ.

Девчонки, которые привели меня сюда, указывают на выход. Едва я пересекаю порог, дверь за спиной закрывается. Вокруг такая тишина, что слышно, как кровь шумит в ушах. Ни голосов, ни шагов, ни гула ветра. Я одна. И я избежала гнева самой дочери короля, но радости нет.

Дрожь бродит по телу. Сердце, которому я велела замереть на время дебатов, теперь бьется как бешеное, и дико хочется реветь навзрыд от нервов.

Вот уж не думала, что, попав в академию заклинателей, в первый же учебный день окажусь на пороге ковре у самой принцессы. Но вышла живой. Хотя чувство такое, будто без половины души осталась.

Еще одной подобной аудиенции я точно не переживу, так что нужно быть осторожнее и учиться. А для учебы нужен злосчастный камертон. Точнее, подделка, с которой я продержусь до стипендии. И, чтобы она выглядела, как настоящая, мне нужно изучить хотя бы пару книг. Потому и иду в библиотеку.

Недовольная дама на вопрос о том, где находятся книги по артефакторике, отправляет в самый дальний угол зала. Солнце сюда почти не заглядывает. Воздух душный, пропитанный запахом старой бумаги, пыли и чернил.

И уже спустя пару часов изучения видов камертонов, их сплавов, правильного нанесения рун, меня клонит в сон. А может быть, дело в том, что не выспалась из-за кошмара.

Тру лицо и мочки ушей, как учила мама, чтобы взбодриться, но буквы перед глазами все равно сливаются и наступает темнота, а затем тишину, объявшую меня невидимым теплым пледом, нарушает чей-то голос:

— Ты с ума сошел?!

Вскакиваю, моргаю несколько раз, но в глазах по-прежнему темно. Нет. Темно не в глазах, а во всей библиотеке. За окнами уже вовсю царствует ночь.

Выходит, я уснула, а госпожа-библиотекарь меня не заметила?

— Тише, — вновь раздается голос, на этот раз мужской, а не женский.

И возня.

— Ты издеваешься? Зачем ты заманил меня сюда?

Тихо поднимаюсь со стула и выглядываю из-за стеллажа. Тусклый лунный свет толком не освещает лица, но этот голос невозможно не узнать.

Ее Высочество. Вот уж угораздило меня здесь оказаться!

— Ты избегаешь меня на людях! Что еще мне оставалось? — вновь мужской голос в ответ.

Суровый, раздраженный.

Мне точно не стоит здесь быть и тем более смотреть, но мужчина хватает Лику за руку, подается вперед, и в этот момент лунный свет падает ему на лицо.

Ранд Сэйхар!

От шока отшатываюсь и задеваю свечу а столе. Но, хвала богам, никто не замечает шороха — все заняты собой.

— Может, ты забыл, чья я невеста? — цедит сквозь зубы принцесса.

Выдергивает руку, а уходить не спешит.

— Невеста? — с ядом переспрашивает Ранд, его губы его искажает горькая ухмылка. — Ты еще не невеста. Не было помолвки. И это не твой выбор, а политический союз.

— Нет, Ранд. Это мой выбор. Дэмиан — мой выбор! — заявляет она без тени сомнений.

— Но ты ему не нужна!

— А вот это уже не твое дело! И что бы ты ни говорил, именно он станет моим мужем!

— Как же ты легко меня забыла, Лика. А может, дело в том, что Дэм наследует статус Святых, а не я?!

Пощечина. Такая громкая, что вздрагиваю и наконец-то прихожу в себя. Прячусь и слышу, как громко стучат каблуки Ее Высочества. А вот Ранд… Он все еще здесь?

Проклинаю все на свете и отсчитываю секунды в надежде, что куратор тоже скоро уйдет. А может, уже ушел?

Шагов не слышала, но и Ранд Сэйхар не слон, а натренированный заклинатель, — мог уйти незаметно.

Выжидаю еще несколько минут, нервно переминая воск свечи в пальцах, а затем медленно выглядываю, но вместо небольшого холла упираюсь взглядом в металлический блеск пуговиц.

— И много ты успела услышать?

Глава 6. Нехороший договор

Пячусь, а мозг в долю секунды подкидывает варианты событий. И ни один из них мне не нравится.

Скажу правду — мне конец! Подслушала вовсе не безобидный разговор. Видела, как дали пощечину. Но и если смолчу, тоже не миновать наказания — я нарушила устав. Ночью не в комнате, а в библиотеке.

Да какого демона этих двоих занесло именно сюда? Взвыть бы со злости, но чем это поможет?

Проглатываю колючий ком, застрявший в горле, и вновь смотрю на Ранда.

— А? — Включаю все свое мастерство и, чуть не зевая, прикрываю рот рукой. — Куратор Сэйхар, это вы?

Ранд, как назло, кажется, такой же проницательный, как и наследник. Прищуривается и внимательно всматривается в мое лицо.

— Хочешь сказать, что спала и не слышала, что здесь происходило? — спрашивает он.

Вместо ответа подношу пальцы к ушам и делаю вид, что достаю кусочки воска.

— Простите, куратор. Когда учусь, всегда закрываю уши, чтобы не отвлекаться на шум. Что вы спросили?

— В самом деле, не слышала?

Ранд в недоумении. Смотрит то на воск, то на меня.

Сейчас стоило бы изобразить полное непонимание, а я вместо этого, возможно, совершаю самую большую ошибку в своей жизни, но… У семьи Шторм есть правило: «Смекалку применяй во всем, а хитрость — только против подлого врага».

И как бы ни была опасна для меня ситуация, Ранд подлым врагом не является. Потому и смотрю ему прямо в глаза с грустной полуулыбкой.

— Куратор Сэйхар, я читала и, видимо, задревама от усталости. Я хочу стать заклинателем, и кроме своей цели ничего не вижу, не слышу и знать не хочу. Пожалуйста, не втягивайте меня в это. — прошу его от всего сердца.

И всем видом даю понять, что ни за что и никому ничего не скажу. Потому что знаю цену.

Ранд считывает все по взгляду. Злится, а я молю богиню и надеюсь, что не зря решила поступить именно так, а не притворяться до самого конца.

— Мне не нужны проблемы, — искренне добавляю я.

— Обычно те, кто так говорит, вообще не умеют жить без проблем, — цедит Ранд и косится на стол. — Проще было бы сразу пойти на артефакторный завод, учитывая твой вкус на книги.

— А? — удивляюсь, а затем соображаю. — Ах да, артефакты… Дело в том… что мой камертон забрал ваш брат. Я хотела сделать новый.

— Сделать камертон? — Ранда почему-то удивляет лишь эта часть. А про “забрал” он словно не услышал. — Не припомню таких отчаянных адептов в академии.

— Отчаянные времена…

Ранд усмехается, однако…

— За находчивость хвалю. За «чтение с воском» особенно. Однако это не отменит наказание за нарушение правил, — предупреждает он.

Вот и приговор.

И знала ведь! Знала, что нужно идти до последнего, что нужно играть до конца, но не стала!

А теперь вся семья за мою честность поплатится.

Молодец, Яра, умница!

— Разве что, мы с тобой договоримся, — вдруг добавляет куратор.

— Договоримся о чем? — спохватилась я, и угасшая надежда вновь воскресает.

— Ты не рассказываешь о том, что здесь «не слышала». А я сделаю вид, что не видел тебя в библиотеке после комендантского часа.

Богиня всемилостивая, ты не оставила меня!

— Спасибо, куратор Сэйхар! — отзываюсь я и протягиваю руку, чуточку позабыв, что манеры у элиты другие.

Но Ранд в отличие от брата, лишь улыбается и шутливо пожимает руку. И именно в этот момент замирает на секунду.

— Что-то не так? — напрягаюсь до кончиков пальцев.

— Руки в мозолях. Занималась боевой магией? А может, встречала демонов раньше? — как-то слишком подозрительно прищуривается он.

— Всего-лишь чистила рыбу, куратор. Я из Парама, он там ткатских фабрик и много рыбаков.

— Дочь рыбака, значит. Еще занимательней, — протягивает Ранд. Отпускает мою руку но не меня. — А как ты обнаружила остаточную демоничекую ауру в книге?

— Тогда камертон был еще цел. Думаю, дело в нем.

— А после? В кармане профессора.

Так и знала, что это не скоро забудут. И что ему сейчас сказать? Вряд ли он будет таким же понимающим, как Ривз.

— Ладно. Не стану тебя мучить. — Хвала богине, Ранд сам заканчивает пытку. — Но условия сделки хочу поменять. Старательных людей нужно поддерживать. Вернуть тебе камертон я не смогу. Сделать новый у тебя не хватит сейчас навыков. Так что я сам дам тебе новый, а ты…

— Что я? — тороплю куратора, ибо он очень не вовремя решил взять паузу.

— С тебя твое молчание и одна услуга, адептка Шторм.

— Услуга? — переспрашиваю я, ибо это последнее, что я ожидала услышать.

— В академии, как и в будущем, в рядах заклинателей, очень важно иметь надежных союзников. Когда мне потребуется помощь, я попрошу тебя об одолжении. О приличном одолжении, адептка Шторм. И хочу быть уверен, что ты мне не откажешь, — говорит Ранд.

А я даже не знаю, что ответить.

Странно все это, но выбора нет. Нет с тех самых пор, как я переступила порог академии.

— Вы обещали, что просьба будет приличной, — на всякий случай повторяю я.

— И лично тебе не навредит. Я не разбойник с лесной дороги, а куратор заклинателей, Яра, — напоминает Сэйхар-старший и вновь протягивает руку.

Но в этот раз кончики его пальцев светятся золотистыми искрами. Значит, желает закрепить договор магией.

Мне все меньше нравится происходящее. Потому что такие договоры давно запрещены на законодательном уровне. Но где я добуду камертон к завтрашнему дню?

Даже если бы и начала сейчас пытаться его собрать самостоятельно, потребовалось бы не меньше трех дней. И это с учетом, что я смогу найти все необходимое.

Да и рабочий артефакт лучше подделки. Меньше рисков, больше шансов увеличить силу и дорасти до еще одного кольца.

— Хорошо, — соглашаюсь и протягиваю руку, хотя нутром чувствую, что зря.

Магия теплым покалыванием проходится по пальцам и ладони. А на запястье после рукопожатия тает едва заметный треугольник.

— Договор заключен, — сообщает куратор и отстраняется.

— Завтра мой посыльный найдет тебя перед первым занятием и передаст камертон. А ночь рекомендую провести тут. По коридорам гуляют коменданты. Будет очень жаль, если тебя

отчислят, — подмигивает брат моего врага, а затем, кивнув вместо прощания, уходит, тихо закрыв за собой дверь библиотеки.

М-да…

Вот умеешь ты весело жить, Ярочка Шторм! Уже и задолжать успела, и правила нарушить.

Хвала павшей богине, обошлось. Но что делать до утра? Вдруг еще кто-то войдет?

Вернув книги по артефактам на место, беру другие, которые проходят по учебной программе, и усаживаюсь возле окна, чтобы лунный свет хоть как-то освещал страницы.

Сон нагоняет через пару часов, но быть обнаруженной спящей в библиотеке — все равно что позволить всем усилиям пропасть. Потому держусь до самого утра, отсчитывая смертельно долгие секунды.

Как только стрелка часов падает на шесть, спешу к двери библиотеки, чтобы не столкнуться с хозяйкой этого места.

Выскальзываю в коридор и диву даюсь, какой умиротворенной и пустой кажется академия в эти часы. Адептов нет. Проверяющие уже не ходят, так как комендантский час окончен. Лишь дворники собирают метлами жухлые листья кленов.

Проскальзываю, дрожа от утренней прохлады, мимо них в нужную башню и быстро, как только могу, добираюсь на шестой этаж. Едва прикладываю ключ к замку, как дверь открывается.

— Яра! Где ты была всю ночь?! — выпаливает Иша с порога, и я тут же заталкиваю ее в комнату.

— Тише. Хочешь весь этаж разбудить?

— Прости, я не подумала. Переживала, вдруг с тобой что-то случилось, — шепчет она.

И вот теперь я чувствую вину.

— Это ты прости, что не предупредила. Уснула в библиотеке, — говорю подруге и замечаю собственное отражение в зеркале.

Вид у меня такой, будто каретой переехало. Если складки на форме еще можно как-то пригладить, то синяки под глазами и красноту на белках не спрячешь.

— Пока меня не было, ничего не случилось? — интересуюсь у Иши и попутно собираю учебные принадлежности в сумку.

— Девчонки Рузанны приходили. Они караулили тебя до самого отбоя.

Вот же демоны! Не отстанут ведь так просто!

— Они тебе ничего не сделали?

— Нет, — заверяет Иша.

Ну, хоть что-то хорошее.

— Ладно. Давай собираться на занятия, — предлагаю подруге.

И пока Иша одевается, я трижды умываю лицо. Особо не помогает, я выгляжу настолько измученной, что едва придя на занятия, сразу получаю замечание.

— Что это с Пугалом? Форма помятая, глаза красные. Интересно, где она провела ночь? — заявляет Рузанна, стоя у дверей нужного нам кабинета, и будто бы обращается как к подругам.

Но говорит так громко, что половина коридора может услышать.

— А я видела, как она утром возвращалась в общежитие! — спешит доложить одна из приспешниц.

Чтоб ее!

— Уж не за богом академии ты всю ночь бегала? — прищуривается рыжая, расталкивая подруг, и подходит ко мне вплотную.

— Варила эликсиры от сквернословия. Хочешь, поделюсь? — огрызаюсь я, и тут раздается голос.

Громкий. Мужской.

— Кто здесь Яра Шторм?

Сквозь толпу пробирается незнакомый блондин и, видимо, будучи уже осведомленным о том, как я выгляжу, протягивает сверток с многозначительным взглядом. Внутри, судя по форме, обещанный Рандом камертон.

— Спасибо, — киваю и прячу драгоценный сверток в сумку, даже не взглянув внутрь. Вокруг слишком много глаз.

Парень, кивнув, уходит, а свита Рузанны вспыхивает злостью.

— Ты посмотри на нее! Времени не теряет, бессовестная! Что это он тебе передал? От кого?! — рычит рыжая, а я старательно ее игнорирую. — Я с кем говорю, Пугало?

Хвала павшей богине, долго терпеть не приходится. Двери кабинета открываются, и профессор, на этот раз мне хорошо знакомый, велит всем занять места.

Как только суета в рядах столов стихает, Ривз щелкает пальцами, и двери в небольшом кабинете с грохотом закрываются.

— Добро пожаловать на демонологию, адепты. Но прежде, чем мы приступим к занятию, давайте вспомним, как и почему появились заклинатели и демоны. А главное, зачем, — говорит он, внимательно глядя на адептов.

— Вы должны знать ответы на эти вопросы, чтобы понимать важность возложенной на вас миссии, — добавляет профессор, а затем смотрит на Рузанну. — Вы. Расскажите о зарождении мира. Ничего не упускайте!

— Эриас, наш мир, как и любой другой мир во вселенной, создали сами Творцы. Сначала они населяли его существами, созданными по своему подобию. Их нарекли демонами, профессор, — отвечает рыжая.

— А что означает слово “демон”, вы знаете, адепт?

Рузанна теряется, а я ловлю себя на том, что не зря все-таки провела ночь в библиотеке. Но руку не тяну. Надо закрыть конфликт, а не давать новые поводы для злости или зависти.

— “Подобный Диану”, профессор! Подобный одному из двух Великих Творцов! — выпаливает вдруг Иша и отхватывает порцию ядовитых взглядов от свиты Рузанны.

— Верно, — кивает Ривз и вновь смотрит на Рузанну. — Что было дальше?

— Демоны, будучи нетерпимыми и гордыми, развязали междоусобную войну. Отреклись от самих создателей. И тогда Творцы велели Шаду, самому первому демону, уничтожить братьев. Взамен демонам Творцы создали похожих существ, но лишенных магии. Зато наделили их добрыми сердцами. Теми существами были люди. “От сердца Леи”, она же Глея, смею полагать. Однако Шад был возмущен поступком Творцов. Он считал, что братьев заменили никчемными существами, и убеждал, что люди хуже демонов.

— Почему он так считал? — спрашивает профессор.

Рузанна стихает, а Иша опять тянет руку.

— Не надо, — прошу ее, но подруга словно не слышит.

Ох и навлечет она на себя беду.

— Говорите, — позволяет ей Ривз.

— Шад считал, что демоны прямолинейны и честны в своих мыслях и поступках, а люди коварны и скрытны. Он не желал перед ними преклоняться и отрекся от Творцов. Обещал доказать, что пробудит истинное зло в каждом человеческом сердце, и докажет Творцам их ошибку. Шад сотни лет соблазнял людей, выискивая их слабости. Он создал из заблудших душ целую армию собственных демонов, чтобы стереть с лица Эриаса любимых созданий Творцов. Тогда и появилась первая смертная с магией, равной по силе демонам. Она была первой заклинательницей, ставшей потом богиней! — выпаливает Иша с таким огнем в глазах, что даже не замечает, как на нее все косятся.

Все, теперь нам обеим беды не миновать.

— Верно. А как именно Глея получила магию, которая до этого была доступна лишь демонам? — спрашивает профессор, и в этот раз, как бы Иша ни тянула руку, ждет ответа от других.

Но смельчаков не находится. Более того, адепты злобно косятся на Ишу.

— Ладно, раз другие не интересовались историей мира, то прошу, отвечайте, — разрешает ей профессор.

— По этому поводу ходило много домыслов. Но основная теория в том, что мать Глеи продала душу демону и попросила для дочери магии, чтобы та смогла защищаться от демонов. Девочка росла, становилась сильнее и стала защищать не только себя, но и других. Более того, она смогла делиться своей магией и научила Святых борьбе с демонами. Двузубая заколка в ее волосах была первым камертоном, обнаружавшим даже самых скрытных демонов.

— Отлично, адептка! Вам всем нужно брать с нее пример! — хвалит профессор, а затем продолжает сам. — В то время Шад и подумать не мог, что люди на такое способны. Но Глея дала отпор, стала защитницей слабых и угнетенных. Она спасала не только тела, но и искалеченные демонами души людей. Потому ее и назвали Богиней. На нее уповали все, ведь Творцы покинули мир. Тогда и случилась самая страшная битва. Кто знает, чем она закончилась?

В этот раз профессор кидает взгляд на меня.

— Богиня, поняв, что в войне прольется много крови, обманом заманила Шада и его демонов в холодные земли и запечатала их там ценой своей жизни, а тело ее разлетелось по свету тысячей светлячков, — говорю то, что детям обычно читают, как сказку на ночь.

По крайней мере, мне так рассказывала мама. А потом я эту же историю рассказывала Айе.

— Почти верно, — одобряет профессор. — Богиня отдала свою силу ученикам. Тем, кого мы зовем нынче Святыми. И они запечатали Шада и демонов в ловушке. И да, наша богиня принесла себя в жертву, став последней печатью Туманной Стены, а ее тело разлетелось светлячками. Ходили поверья, что однажды богиня вернется, и с тех пор всех рыжих девушек проверяли на способности, но увы, чудо так и не случилось. Богиня пала за то, чтобы мы спокойно жить, ничего не опасаясь. Двести лет мы поддерживаем Стену и уничтожаем тех, кто пробирается к нам через трещины в ней. Наш враг — демоны, потому смута среди заклинателей сродни поражению еще до начала боя. Поняли ли вы теперь мой урок, друзья?

Адепты старательно кивают, заискивая перед профессором, но все равно косятся. И уже не только на меня, но и на Ишу.

И судя по их взглядам, ничего хорошего по окончании лекции нас не ждет. Потому, когда профессор произносит это страшное слово “Свободны”, мы с Ишей встаем самыми последними, и как можно медленнее двигаемся к выходу, как вдруг…

— Адепт Шторм, — раздается голос в спину. — Задержитесь.

Под пристальные взгляды адептов отхожу от толпы в сторону кафедры.

Зал быстро пустеет, но вместе с этим нарастает тревога.

— Я сделала что-то не так, профессор? — спрашиваю, стараясь заставить голос звучать ровно.

— Вовсе нет. Но я хочу кое в чем разобраться, — говорит Ривз и, бакенбарды приподнимаются в улыбке. Но стоит ли этому доверять?

— В чем именно, профессор? — аккуратно уточняю я.

— Мне любопытно, как именно ты поняла, где находился последний демон во время последнего вступительного экзамена?

Приплыли. Но я и не надеялась, что все забудут.

— Пока вы обучали нас и готовили к экзаменам, я заметила, что вы все важные вещи кладете именно в этот карман. Предположила, что кто-то сдал экзамен раньше меня, и в вашем

кармане будет нужный артефакт, — сообщаю профессору менее опасную, как мне кажется, правду.

Ведь я правда наблюдала. А тот факт, что почувствовала без камертона, лучше всего скрыть.

— Вот как? Отчего же мне сейчас кажется, что ты сейчас лукавишь? Где твой камертон? — восклицает профессор и прищуривает светло-голубые, почти выцветшие глаза.

— Здесь, — едва я тянусь за свертком, который передал мне наставник Ранд, как профессор останавливает.

— Не доставай. Воспользуйся этим. — Профессор достает из-за пазухи красивый камертон золотистого цвета и кладет на край кафедры. —- Если сейчас пройдешь испытание, я закрою глаза на твою хитрость с экзаменом. Ну же!

И, пока я поднимаю вещицу изысканной красоты, Ривз кладет рядом два темных камня.

— В каком из артефактов демоническая сила? — спрашивает он.

Я, как и учили новичков перед поступлением, закрываю глаза. Представляю в области сердца теплое пламя и позволяю ему пробежать по моим жилам до кончиков пальцев. С них тонкие потоки магии проникают в камертон, но он… не греется.

Ни возле одного камня, ни возле другого.

— Адептка Шторм. — Профессор торопит.

А я нервничаю так, что ладони становятся влажными.

— Не можете справиться с такой легкой задачей? — хмурится он.

И стоит мне взглянуть на строгое с хитрым прищуром лицо, как ответ, хвала богине, находится.

— Ни в одном из этих артефактов нет демонической силы, профессор. Зато она есть в верхней пуговице вашей мантии.

Глаза Ривза округляются так, что становится боязно за их сохранность. Да и за себя, честно говоря, тоже.

— Я ошиблась? — спрашиваю, хотя уверена, что нет.

— Отнюдь, адептка Шторм! Это любопытно. Очень любопытно.

— Что именно, профессор?

— Хотя бы то, что камертон в ваших руках всего лишь муляж, — заявляет профессор.

И теперь удивляться приходится мне.

— Что? Как? Но он же нагрелся… — невнятно бормочу под нос и чувствую, что пол под ногами буквально обращается в зыбучий песок.

Как же я так просчиталась? Мама ведь просила быть осторожной. Боялась, что разговоры обо мне станут еще опаснее.

А я попалась. Попалась на том, что иногда могу чувствовать то, что не должна, даже когда положенного инструмента нет.

— Не волнуйтесь, Шторм. Ступайте и никому пока не говорите о том, что умеете пользоваться неработающими артефактами, будучи обладательницей всего лишь одного неполного кольца, — подмигивает профессор.

И я негнущейся рукой кладу золотую вещицу на самый край темной кафедры. Невнятно бормочу слова благодарности и спешу к выходу, как профессор решает сказать мне в спину:

— И еще! Будьте предельно осторожны.

Киваю во второй раз и, наконец-то, добираюсь до высоких дубовых дверей.

Думать о том, ждут ли меня в коридоре адепты, совершенно не хочется. Все мысли заняты тем, что произошло в кабинете.

Странные сны мне снились практически с рождения, когда я была еще самой обычной девочкой с каштановыми волосами и карими глазами. Но, когда случилась болезнь, стало еще хуже.

Я начала замечать то, чего не должна. Сны снились чаще — порой радостные, а порой самые страшные, будто видения. Я гасла на глазах, а моя внешность становилась все более пугающей.

Мама и папа влезли в долги, чтобы показать умирающую дочь всем лекарям, а затем и целителю, живущему в уединенной обители на Лиловой горе. Так сильно они хотели верить, что я выживу, а творящееся со мной безумие прекратится.

Сама я плохо помню, что именно случилось в те два дня на Лиловой горе. Я очнулась в какой-то повозке, полной соломы. Путники сказали, что подобрали меня в лесу, а на обитель напали демоны.

Целитель не выжил, но, видимо, успел остановить мою болезнь. По крайней мере, мне стало лучше. Сны практически исчезли, правда вместо них пришел кошмар. А на запястье появилось почти полное кольцо.

«Молчи о том, что была на Лиловой горе, Яра», — умоляла мама, зная, что за мной придут из академии: «И никому не говори о том, как именно проявляются твои способности».

И я кивала. Я обещала быть осторожной, но прокололась, не прожив в академии и месяца.

Эти мысли так кружат голову, что практически не смотрю, куда иду. Лишь бы подальше от кабинета профессора.

Нет. Мне нужно найти группу, найти Ишу. Но вместо подруги я налетаю на толпу девчонок, резко выдвинувших из-за поворота коридора.

— Думаешь, я прощу тебе то унижение, Пугало? Остальным, может, и нет до тебя больше дела, но я лично сделаю так, что твоя жизнь станет страшнее, чем за Стеной! — заявляет Рузанна.

Сил пререкаться с ней нет. Оказывается, что и не нужно.

За спинами девчонок появляется никто иной, как сам Дэмиан Сэйхар. Вот только выдает он очень странную речь:

— Опасные слова. Тем более для первогодок.

Девчонки оборачиваются, намереваясь поставить вмешавшегося на место, но застывают, поняв, кто перед ними. И Дэмиан явно воспринимает это как должное.

— Чем вам не угодила моя подопечная? — спрашивает он.

— Подопечная? — в ужасе охает свита Рузанны.

А Сэйхар не спешит с ответом. Он смотрит на меня. И, хоть между нами сейчас не меньше пяти метров, кажется, что он настолько близко, что не могу дышать.

Чувствую его каждой клеточкой тела. И ему явно нравится эта власть надо мной.

На губах местного “бога” появляется до невозможности очаровательная улыбка, которой, кажется, он способен обмануть весь мир.

— Я подумал над твоей просьбой, Яра, — медленно, с наслаждением заявляет мне этот гад. — Если продержишься до Дня Свержения демонов, возьму тебя в свои личные ученицы.

Глава 7. Затишье перед бурей

— Гад! Вот же гад! — злюсь так, что сил больше ни на что нет.

Пришел этот божок академский, наговорил красивых слов, а я еле ноги потом унесла.

Даже не хочу вспоминать лица Рузанны и ее свиты. А если до Лики слухи дойдут? А они дойдут, как пить дать!

Павшая богиня, дай мне сил все это пережить. Одной смекалкой уже не отобьюсь. Придется идти в лобовую атаку.

— Яра!

Уже от собственного имени подпрыгиваю.

— Иша, — выдыхаю с облегчением и кидаюсь к подруге. — Где ты была? Я битый час тебя искала.

— Пошла в столовую залу, чтобы принести пару булочек, — отзывается она, а затем хмурится и, чуть понизив голос, спрашивает. — Но что произошло? Почему все болтают о том, что Дэмиан Сэйхар берет тебя в ученицы?

Отлично! Слух уже разлетелся. Кто бы сомневался?

— Ты что-то от меня скрываешь, Яра? — волнуется Иша, пока я пытаюсь совладать с собственной злостью.

— Что ты такое говоришь? Ни в коем случае! — заверяю подругу.

— Тогда почему не сказала, что подружилась с богом академии? Не доверяешь мне,— голос обиженный.

— Дело не в доверии, а в том, что ни с кем я не подружилась. Вот вообще! Честно!

— Но тогда с чего Дэмиан Сэйхар решил взять тебя в ученицы? И ты не отрицаешь, что это правда, — смотрит на меня во все глаза.

Не хватало мне еще из-за этого недоразумения единственной подруги лишиться.

Делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, а затем принимаюсь успокаивать подругу.

— Дэмиан Сэйхар поступил так лишь для того, чтобы расшевелить едва успокоившуюся толпу, Иша. Он сказал, что я стану его ученицей, если продержусь до Праздника Свержения. Понимаешь, что это значит?

Подруга замолкает, пытаясь осмыслить услышанное, а я уже на стену готова лезть от отчаяния. Благо, мы доходим до комнаты и можно зарыться под одеяло, а еще лучше — спрятаться под кровать или еще куда, чтобы не нашли.

— То есть, за эти два месяца его поклонницы попытаются тебя выжить всеми способами? — складывает пазлы в единую картину подруга.

— Ну, или выкинуть из окна самой высокой башни, — с горечью шепчу я и, упав на кровать прямо в одежде, накрываю лицо подушкой.

— А может, правда, лучше уйти на артефакторный завод? — бубню из-под нее.

— Ты что?! Нельзя! Через два месяца в самом деле станешь его ученицей. Сэйхары слова на ветер не бросают. Он будет обязан сдержать обещание! Ты хоть понимаешь, какая это честь — учиться у наследника Святых?

— Если продержусь до этой “чести”, Иша. Если!

— Яра, я с тобой! Ты слышишь? — говорит Иша, пытаясь нащупать мою руку под одеялом, в которое я пытаюсь замотаться, как в кокон.

Я бормочу ей что-то несвязное в ответ, а потом засыпаю. Утром, едва открыв глаза и увидев, что солнечный свет заполняет комнату, начинаю ненавидеть эту жизнь.

Не хочу выбираться из-под одеяла, не хочу выходить из комнаты, вообще ничего не хочу. Но надо!

На удивление, когда мы с Ишей появляемся в поле зрения адептов, никто не атакует. Все ходят, перешептываются. Даже Рузанна на удивление спокойна, и это вовсе не добрый знак.

— Видишь, а ты переживала! — радуется подруга.

— Почему мне кажется, что это затишье перед бурей? — спрашиваю я.

А в ответ:

— Не нагнетай!

Легко сказать. Я целый день гадаю, с какой же стороны нагрянет беда.

Но девчонки Ее Высочества не маячат на горизонте. На физической подготовке никто не ставит подножек.

Даже занятия по азам магии проходят спокойно — нас учат концентрировать силу магии и искать баланс, который не вредит телу. Показывают, как использовать камертон в качестве усилителя магии для простейших плетений — захлопнуть дверь, подбросить перо со стола. Даже у меня с одним кольцом начинает получаться.

Вернувшись в общежитие, Иша первым делом идет в уборную, а я падаю лицом в подушку и слышу, как что-то брякает о пол. Ничего такого, что могло бы упасть, я не клала на постель.

Поворачиваюсь и вглядываюсь в щель между кроватью и стеной. Какой-то завязанный на узел платок. Ныряю под кровать, присматриваюсь, — мало ли какая ловушка.

На первый взгляд ни магии, ни порошков нет. Поднимаю кончиками пальцев за край ткани и осторожно кладу на стол.

Узел на платке не плотный, а внутри поблескивает что-то тяжелое. Открываю платок и охаю. Богиня всемилостивая! Украшения.

Одно, два, три, четыре. И, судя по количеству камней, стоят эти побрякушки столько, что за кражу не просто выгонят, а еще и накажут так, что жизнь станет не мила.

Откуда же они здесь? А главное — зачем?

— Ты чего такая испуганная? — спрашивает Иша, вернувшись из ванной.

И в этот самый момент из коридора доносится грозный голос смотрительницы:

— Адепты! Всем немедленно выйти из комнат! Досмотр!

— Яра… — паникует Иша, глядя то на меня, то на побрякушки поверх красного платка.

Дверь распахивается настежь, и в комнату входит смотрительница и два стражника в черных кожаных одеяниях.

— Чем вы заняты? Разве не слышали, что я велела всем выйти? — отчитывает дама и замечает платок.

— Стража! Осмотреть! — приказывает госпожа.

Один из мужчин сразу идет к столу, а второй проверяет все вокруг и краем глаза следит за мной, — не прячу ли чего.

— Краденое найдено, мадам Боул! — заявляет тот, кто проверял побрякушки.

— Краденое? — охает Иша и чуть ли не падает на подкосившихся ногах.

Толпа соседок, собравшаяся в распахнутых дверях, начинает гудеть, а у меня чувство, будто шею охватила невидимая петля. Еще чуть-чуть, и она отберет у меня возможность дышать.

— Как же… как же так можно? — охают в коридоре, и я задаюсь тем же вопросом.

Запугивать, ругаться, угрожать, да даже подраться — не так подло, как подставить в краже. А ведь это именно они и сделали. Чтобы раз и навсегда избавиться от неугодного Пугала вроде меня.

И за что?! За что?! За то, что Дэмиан Сэйхар собрался якобы взять меня в ученицы! Богиня, я сейчас душу разорвать готова, чтобы не испытывать этой боли обиды. Но не заплачу. Не время сейчас. Нужно спастись!

— Тихо! — рычит смотрительница на девчонок и проходит к столу.

— Не ожидала я от вас такого, — бросает мне по пути. А затем увлекается находкой. Рассматривает кольцо, браслет, сережки и цепочку со всех сторон.

— Все пропавшее на месте, кроме подвески, — заключает смотрительница и кидает взгляд в меня. — Где она?

— Вы думаете, это Яра? Она бы никогда не стала! — выкрикивает Иша.

— А кто тогда? Вы, адепт Кукис? — строго спрашивает смотрительница.

Лицо Иши бледнеет так, будто она на смертном одре оказалась.

— Госпожа смотрительница. Ни я, ни Иша не брали эти вещи. Они уже были в комнате, когда мы вернулись,— заверяю я.

— Хотите сказать, что кто-то вломился сюда и оставил вам в подарок старательно украденное добро? — не верит женщина.

— Если бы украли мы, то разве оставили бы на самом видном месте? Мы бы спрятали его где-нибудь во дворе академии под одним из кустов до каникул, — говорю я, и смотрительница, взглянув на стол, задумчиво прищуривается.

— Стража, проверьте замок, — еще один приказ и еще несколько бесконечно долгих минут ожиданий.

— Замок не взломан, — докладывают мужчины в черном, и среди любопытных лиц я замечаю рыжую макушку и злорадный оскал.

Рузанна. Конечно, без тебя бы не обошлось.

— Что ж, в таком случае, вывод один. Либо это сделала одна из вас, либо вы обе замешаны, — заключает смотрительница.

И я закрываю глаза, не зная, как избежать этого страшного приговора, но… рано сдаваться.

— Позвольте узнать, когда, где и у кого эти вещи были украдены? — спрашиваю я.

— Зачем это вам? — хмурится смотрительница.

— В чужую комнату сложно проникнуть незамеченными, так что кто-то бы да увидел нас. Но если бы такие были, то не понадобился досмотр всего общежития. — Начинаю излагать свои мысли. — Хозяин пропавшей вещи должен хотя бы примерно помнить, где и когда заметил ее отсутствие. И если будут свидетели того, что мы с Ишей были в это время в другом месте, значит, украсть не могли.

— Ты… девочка, что такое говоришь? — несколько озадаченно произносит смотрительница, а я не могу понять по ее лицу, она возмущена моими словами, либо же просто не ожидала от безродной первогодки стоящих идей.

— К тому же, был урок по боевой подготовке. Мы все оставляли вещи в раздевалке. Замки на шкафах не такие надежные, как на дверях в комнату. Кто угодно мог взять украшения и ключ от нашей комнаты, госпожа смотрительница, — блистательно оспариваю я, но Рузанна, как всегда, путает карты.

— Кто угодно не стал бы рисковать! А вот у тебя даже на сумку денег не хватает! А тут вдруг появился новый хороший камертон! — выпаливает рыжая.

— Мне его подарили. — Спешу объяснить.

— Кто? За какие услуги?! — Рыжая вздергивает подбородок.

А я давлюсь от злости и собственного бессилия, потому что про сделку с Рандом рассказать не могу. Да и в целом мне нечего противопоставить обвинению. Слово полупустой против улик. Зараза!

Тот, кто меня подставил, явно все тщательно предусмотрел. И судя по блеску в глазах Рузанны, это была она.

— Что за шум? — раздается вдруг мужской голос из коридора.

Глава 8. Ректорский суд

Приемная ректора поражает роскошью — высокие потолки с лепниной, массивные дубовые панели на стенах, портреты прежних ректоров в золоченых рамах смотрят сверху вниз осуждающими взглядами. Красный ковер под ногами с виду мягкий, но кажется, что я стою на раскаленных углях.

Борис Кэндел, ректор академии, восседает за огромным письменным столом, словно судья на троне. Рыжая короткая борода аккуратно подстрижена, карие глаза внимательно изучают украшения, которые положила перед ним смотрительница.

Секунда. Вторая. Время тянется бесконечно долго, и я уже не знаю чего хочу: ускорить страшный суд или же никогда не слышать приговора. Кидаю взгляд на профессора Ривза, очень хочу верить, что он мне не желает зла.

По крайней мере в комнате, когда с меня бесконечно долго требовали ответа про подвеску, именно он остановил смотрительницу и велел решать это дело с ректором.

Потому мы и пришли сюда. Сначала бесконечно долго ждали в коридоре, а теперь вот стою на этом красном ковре и судорожно вдыхаю душный воздух, не зная, чего ожидать.

— Обвинение серьезное. Улики найдены, — констатирует ректор, закончив рассматривать "краденое", и переводит взгляд на смотрительницу. — Расследование провели?

Женщина все это время стояла со склоненной головой и даже сейчас ее не поднимает.

— Дверь не была взломана, господин ректор. Свидетели говорят, что Яра Шторм отлучалась во время занятий по боевой подготовке. Вещи пропали из шкафов комнаты переодеваний, — сухо докладывает она.

А я… У меня внутри все кричит и рвется от желания доказать свою невиновность. Но я отчетливо понимаю — не важно, какие слова подберу, ничего не получится. Враг предусмотрел все. Почти все… кроме одной случайности.

— Значит, сомневаться в том, что это дело рук этой адептки, не приходится, — отмечает ректор, кидая на меня такой взгляд, будто сейчас лично на виселицу отправит. — Не хотите рассказать, где подвеска? Если не вернете, вам придется возместить ее стоимость в размере пятисот таисов.

Нервно сглатываю. Пятьсот таисов — это же как три стипендии! Где я заработаю столько денег, тем более если меня выгонят из академии?

Но сказать, где находится, как я полагаю, потерявшаяся подвеска, не могу. Профессор уже намекнул в комнате, что именно пропажа этой вещи может меня спасти. Потому и лгу:

— Я не знаю, господин ректор. Я не брала этих вещей.

Ректору не по душе то, что я до сих пор отрицаю свою причастность. Вижу, как его раздражает во мне все — включая способность говорить и, наверное, даже сам голос. А может, он просто терпеть не может преступников и меня как раз считает таковой.

— Продолжаете отрицать, когда все факты против вас?

— Господин ректор, позвольте отметить, что стражники обыскали всю комнату, но подвеску так и не нашли, — вклинивается профессор Ривз.

Ректор кидает взгляд на смотрительницу, и та бесцветно кивает, подтверждая слова профессора.

— Но все остальное было найдено там. Что же мне с вами делать, адептка Шторм? Вы первая, на кого придется писать приказ об отчислении сразу после зачисления. Вы хоть понимаете, что это будет для вас значит? Вы ни через год, ни когда либо еще не сможете снова получить шанс стать заклинателем. Даже если оставите родину и уедете куда-то на Север или в страну Песков, вас там не примут! — добивает ректор словами.

И пол словно трескается под ногами.

— Господин ректор… — обращаюсь я, но понятия не имею, что сейчас сказать, чтобы переубедить.

— Господин ректор, — перебивает Ривз, — позвольте заметить, что сумма украденного не превысила критической для отчисления. Все будет возвращено, кроме одной не найденной подвески. Но я уверен, Яра постарается сполна возместить ее стоимость. Так ведь, адептка Шторм?

— Да, я все возмещу, только прошу, не отчисляйте! — прошу я.

Ректор подозрительно прищуривается.

— Раз согласны возместить, значит, все же сознаетесь? — никак не унимается.

— Нет, господин ректор. Но мое отрицание меня не спасет. Единственное, о чем прошу, — позволить мне отработать стоимость подвески самой, а не высчитывать из стипендии, — чудом заставляю голос звучать ровно.

Как бы обидно и страшно ни было, сейчас нужно быть сильной.

— Адептка, вы понимаете, что торговаться не имеете никакого права? — сердится ректор.

— Это не торг, господин ректор, — спешу объяснить. — Если мне поручат работу, стоимость которой покроет стоимость потерянной вещи, то долг закроется, а остальные адепты увидят, что преступник строго наказан.

Выпаливаю с огнем в глазах, но ректор не спешит отвечать. Задумчиво смотрит несколько секунд, затем переводит взгляд на Ривза.

— Предложение адептки Шторм весьма разумно, господин ректор, — помогает профессор. — Яра очень талантливая ученица. Она чует демонов лучше других, даже с плохим камертоном. Думаю, при надлежащем обучении одно кольцо скоро превратится в два и более.

— Вы благоволите ей, профессор Ривз?

— Вы знаете, как я ценю талантливых заклинателей. А также хорошо чувствую потенциал, — отвечает Ривз.

Кабинет вновь погружается в гнетущую тишину. Сердце стучит так, что, кажется, его грохот слышат все. Но слышит ли богиня мои молитвы?

— Что ж, — спустя бесконечно долгую паузу начинает ректор, и я вся сжимаюсь в ожидании решения, — раз вы, профессор Ривз, за нее ручаетесь, не стану отчислять Яру Шторм. Стипендия останется нетронутой и будет поступать по указанному адресу. А что касается возмещения ущерба и наказания — идея стоящая. Яра Шторм, вы будете трудиться по четыре часа в день в гончарном цеху, где готовят котлы для зельеваров. И не вздумайте отлынивать!

— Ни в коем случае, господин ректор! — заверяю я.

— Идите, — небрежным жестом указывает на выход, а профессора и смотрительницу просит задержаться.

Склоняю голову вместо прощания и покидаю кабинет, а затем и залитую солнцем приемную ректора. Коридоры в этой башне академии непривычно пусты. А раз не перед кем корчить из себя всесильную, слезы так и просятся наружу.

"Тише, Яра. Ты справишься. Главное, что не вылетела", — говорю себе. Набираю стаканчик воды из питьевого фонтана и замечаю в окне собственное отражение.

Вид такой, будто меня три дня пытали. Ну же, Яра, бери себя в руки. Улыбайся — удача любит тех, кто не печалится.

Заставляю уголки губ растянуться в улыбке. Сначала получается плохо, но пробую вновь. Вот, уже лучше. Да, подставили, да, очернили, но я жива, а значит, все смогу!

С такими мыслями разворачиваюсь, готовая биться за свое место под солнцем, но замираю на месте, наткнувшись взглядом на Дэмиана Сэйхара.

Он стоит в белоснежной накрахмаленной рубашке, держа темно-бордовый камзол, перекинутый через плечо, и смотрит сначала так, будто призрака увидел. Но буквально через пару секунд в его глазах что-то меняется, лицо становится злее. Темная аура пропитывает каждый атом воздуха, когда он делает шаг ко мне.

Всего один шаг, а воздуха будто в разы становится меньше. Все внутри закипает то ли от реакции тела на ауру этого мерзавца, то ли от злости.

Ведь если бы не он со своим “продержись до Дня Свержения”, Рузанна не стала бы так рисковать, да и остальные адепты хотя бы допустили мысль, что это может быть подстава. Но нет, они так грезят идеей избавиться от меня, что плевать, в чем и насколько криво обвинят — с удовольствием поверят.

По крайней мере, именно это я читала сначала в глазах соседей по этажу, таких же слабых магов из бедных семей, которым стоило бы держаться вместе. То же самое я видела в лицах других, более привилегированных адептов, пока шла за профессором и смотрительницей к ректору.

Но все они с их эмоциями и чувствами — лишь марионетки. Истинный злодей, кукловод сейчас стоит передо мной и прожигает таким взглядом, что хочется в окно сигануть.

Но с четвертого этажа это будет убийственно. Потому расправляю плечи, вскидываю смело подбородок и прохожу мимо.

Точнее, хочу пройти мимо, но в самый последний момент, когда напряжение от близости с этим гадом зашкаливает до предела, когда до выхода остается лишь пара секунд, великий Дэмиан Сэйхар хватает меня за предплечье и оттягивает назад, будто я его личная вещь.

Смотрю сначала на пальцы мерзавца, сковавшие мою руку железной хваткой, да к тому же настолько горячие, что обжигают кожу через одежду, а потом кидаю взгляд на лицо. Высокий. Как же бесит, что смотреть приходится снизу вверх.

— Злишься, — он считывает меня за секунду.

Голос звучит надменно, почти равнодушно, но взгляд выражает совсем иное. В глазах — пламя, причин которого я никак не могу разгадать.

— А я ведь предупреждал тебя. Стоило уйти до начала боя, и ничего дурного бы с тобой не случилось.

— Что это, Ваше Святейшество, забота великого Дэмиана Сэйхара о никчемной простолюдинке с одним кольцом? — хочу говорить так же бесцветно, как он, но получается рычание, пропитанное ядом.

Дэмиан усмехается так, будто я чушь сказала, однако свои лапы от меня не убирает.

— Я не монстр, маленькая Яра. Но умею таким быть, если потребуется. Так что считай, это отчисление — самое настоящее спасение для тебя, — говорит и склоняется так близко, что сердце начинает стучать в два раза быстрее.

Пульс барабанит в ушах, а щеки горят… от злости.

— Дальше тебя ждал бы сущий кошмар, ты ведь понимаешь это, — добавляет с хрипотцой в голосе, от которой еще и мурашки идут по телу.

А еще эта его аура... Он близко... Слишком близко. И он прекрасно понимает, как мне от этого некомфортно, но напрочь это игнорирует. Конечно, важно ведь только благо Дэмиана Сэйхара.

Злость кружит голову настолько, что стискиваю челюсти и натягиваю на губы опасную улыбку, чтобы этот гад не думал, что может вытирать ноги обо всех подряд.

— Понимаю и уже готовлюсь, — слащаво отвечаю ему, прекрасно зная, что именно мое спокойствие, а не крики безысходности, выбесит его.

Так и происходит.

— Что ты сказала? — он меняется в лице, и злость, которую он пытался скрывать за равнодушием и надменностью, вырывается наружу.

Вот тебе и вечно сдержанный Дэмиан Сэйхар.

— Я сказала, что богиня, видимо, больше не на стороне тех, кто своим поведением срамит Святых. Она на стороне их жертв. Поэтому меня не отчисляют. Но уповать лишь на милость богини нельзя, так что я, пожалуй, пойду и подготовлюсь к тому самому кошмару, который ты мне обеспечил, — говорю Дэмиану.

С усилием вырываю руку из его хватки и хочу гордо уйти, но этот мерзавец ловит. В этот раз обеими руками и так быстро, что в попытке вырваться оказываюсь прижатой спиной к холодной стене.

— Ты что делаешь?! — пугаюсь настолько, что маска сильной девочки слетает с лица.

— Это ты что делаешь, Яра Шторм? — рычит он, нависая надо мной, будто зверь. — Я не повторяю дважды, а тем более трижды! Ты уйдешь сейчас же. Сама, или…

— Неужели наследник рода Святых опустится еще ниже, лишь бы изгнать какую-то мелкую сошку? Лично пригрозишь ректору? — спрашиваю его.

Он может. К наследникам Святых относятся с таким же почтением, как и к словам самого короля. Но при этом от них ожидают достойного поведения. Чем Дэмиан мотивирует просьбу о моем отчислении? Личной неприязнью? Позор для рода. А он не тот, кто разрешит себе потерять лицо. Тем более из-за меня.

И Дэмиан прекрасно это понимает, потому и смотрит на меня так, будто взглядом хочет испепелить. Обжигает дыханием мое лицо, а его пальцы все сильнее сжимают мои плечи. И с каждой секундой в его изумрудных глазах появляется все больше огня и, кажется, сейчас я рискую быть не отчисленной, а прибитой на месте.

Надо бы бежать, отбиваться изо всех сил, но вместо этого я, как обезумевшая, гневно смотрю в упор ему в глаза, даже не моргая. Как же его это бесит… Зрачки расширяются, дыхание сбивается… Мне точно конец, как вдруг…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.